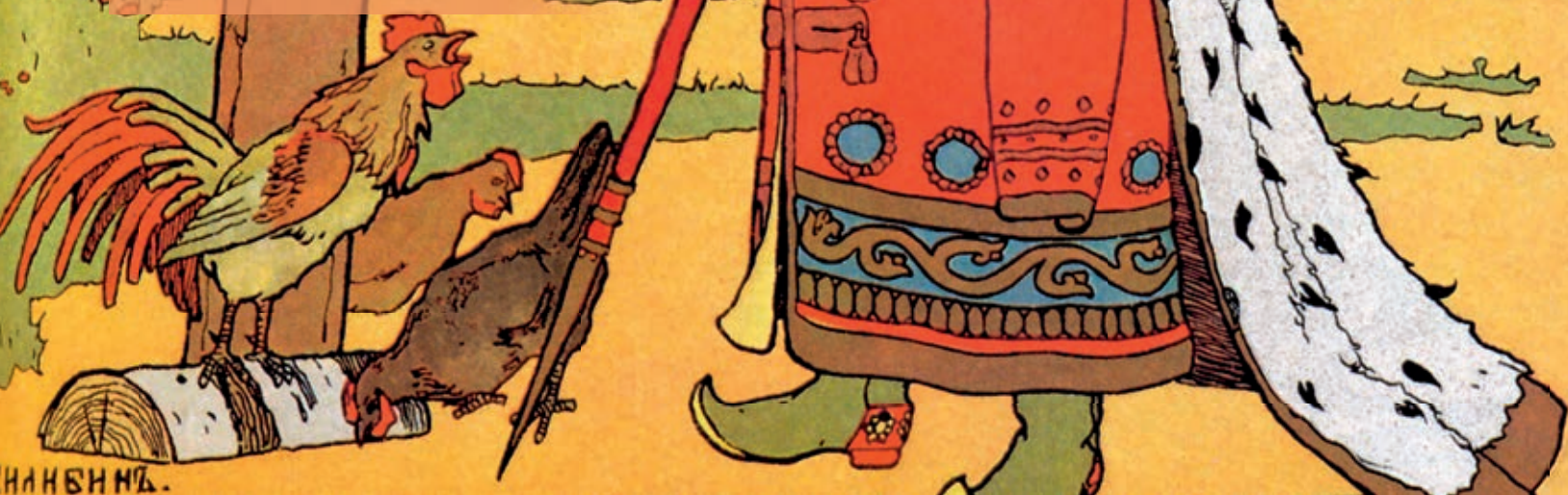

Своя

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ

Как жил и творил
главный сказочник
Российской империи

Пособие по человечности

Почему аборигены
не съели Миклухо-Маклая

Василий Тёркин — идеальный бизнесмен

История удивительного
совпадения

Всадником ходи!

Таврели — древние
русские шахматы

ОЗДОРОВЛЕНИЕ России вовсе не так мудрено и трудно, как с отчаянием в душе думают некоторые. Неистощим в ней запас крепких, неиспорченных органических сил, которые стоит только вызвать наружу, освободив их из-под гнета наносного разлагающегося хлама бюрократической рухляди и чужеродных нашему государственному организму паразитных тел.

Нужно бы только — после всех попыток новейшего времени произвести рознь между верховною властью и народом — явить такое торжественное знамение единства, от которого как марево рассеялось бы, как шелуха свалилось бы все ненародное, с нигилизмом и прочими общественными недугами. Крупны были испытанные Россией ощущения, нужно и крупное властное действо. Вот в чем психическая общественная потребность.

Иван Аксаков (1823–1886)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Глубинный источник	34–37	Родное слово
Если долго всматриваться в бездну
3–7	Дом Романовых
Своя колея	38–41	Книжная палата
Атаман передвижников
8–11	Философ о философе
Последний славянофил	42–45	Герой России
Ворошиловский стрелок
12–15	Символ веры
Святой Николай слышит тебя	46–49	Стоп–кадр
В ритме жизни
16–19	Свой среди чужих
Пособие по человечности	50–53	Русская Америка
Двести лет вместе
20–23	Корневая система
В некотором царстве	54–57	Страна мастеров
Горшки не боги обжигают
24–27	Живая история
Алеша Муромец	58–59	Забавы молодецкие
Всадником ходи!
28–30	Русский характер
Василий Тёркин —
идеальный бизнесмен	60–63	На семи холмах
Дом, где живет гений места
31–33	Великие реалисты
Явление первое	64	Трапезная
Котлета — мечта поэта

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

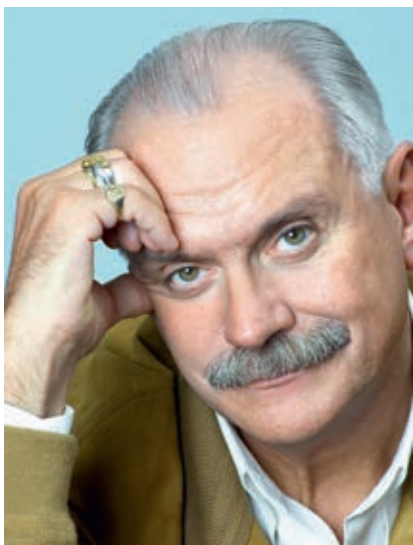
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат»

Тираж 35 000

Подписано в печать 15 июня 2016 г.

Глубинный источник

Когда мы переживали время болезненных, а прямо говоря — губительных «реформ», в патриотических кругах пользовался особой популярностью девиз: «Возрождение страны начнется с провинции». Я был — и поныне остаюсь — солидарен с этим лозунгом. Однако смущают некоторые исторические ассоциации.

Не дай Бог, если это возрождение будет в чем-то напоминать события начала XVII века, если новым Мининым и Пожарским придется кончать с очередной страшной смутой, освобождать Москву от ненавистников традиционной Руси-России, чужеродных «бояр» и самозванцев. Сегодня такой сценарий выглядит неправдоподобным. Но ведь и в советские годы мы не могли себе представить, что наши «преобразования» пойдут по команде и под присмотром геополитических недругов, как это случилось в годы тотальной распродажи, деиндустриализации, уничтожения сельского хозяйства, русской деревни.

В Год российского кино мне доводится бывать в провинции даже чаще, чем прежде. В середине мая, например, ездил в Пензу, где встречался с представителями разных поколений. Мы открывали мемориальную доску-горельеф большому русскому артисту Ивану Мозжухину, а потом долго и подробно беседовали в стенах государственного университета.

Губернатору Ивану Белозерцеву я с воодушевлением признался, что был невероятно удивлен, увидев вокруг Пензы огромные, ухоженные, по-европейски обработанные поля. Искренне пожелал ему как главному руководителю области, чтобы этот благородный труд не прерывался никогда, не зависел от «режима санкций» или каких-то иных обстоятельств. А со своими слушателями и собеседниками поделился нехитрой мыслью: в русской провинции чище абсолютно все — и воздух, и вода, и нравы, и взаимоотношения людей, из поколения в поколение живущих на родной земле, ощущающих себя ее частью, бережно хранящих традиции предков.

Разумеется, у меня нет желания противопоставлять их москвичам или питерцам. Мы — одна страна, один народ. И все же не могу себе представить, что, допустим, в Пензе, Нижнем Новгороде, Красноярске, Благовещенске, Владимире, любом ином нестоличном городе в православный храм с визгом и гиканьем врываются исполнительницы «странных» плясок и начинают свое «действие» прямо перед алтарем; а потом земляки им горячо аплодируют, выражают одобрение и восхищение.

Обычно вижу воочию совершенно другое: вот поднимается со своего места, чтобы о чем-то спросить, милостивая, скромно и опрятно одетая женщина; она похожа на добрую земскую учительницу XIX века. А вот степенно, со знанием дела задает вопрос высокий, широкоплечий, русоволосый гражданин — вылитый купец первой гильдии. Дай ему волю, он такой город-сад отгрохает, весь мир обзавидуется!

Именно такие типажи приходят на ум, когда слышу давний лозунг о том, что возрождение России начнется с провинции. Так было и так будет.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

СВОЯ КОЛЕЯ

Среди правителей нашей страны едва ли найдется такой, к которому прежняя историография была бы столь же несправедлива, как к Николаю I. «Самодур», «кровавый тиран», «крепостник», «мракобес», «неудачник» — эти и другие огульно-тенденциозные характеристики «украшали» в советских исторических исследованиях и учебниках его до предела упрощенный образ. Каким был император, родившийся 220 лет назад (6 июля по н. ст.), на самом деле?

Валерий Шамбаров

ТРЕТЬЕМУ сыну Павла I было дано не вполне обычное для рода Романовых имя, его небесным покровителем стал св. Николай Чудотворец. К царствованию Николая Павловича не готовили — на эту роль изначально претендовали два старших брата. Он получил прекрасное образование, увлекался точными науками и был назначен генерал-инспектором армии по инженерной части. Однако старший брат Александр оказался бездетным, второй, Константин, в связи с разводом и мorganатическим браком отрекся от прав на престол. В 1820 году Александр I сообщил Николаю, что тот становится наследником. Будущего императора это совсем не обрадовало, он писал: «Государь уехал, но мы с женой остались в положении... человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть...»

Манифест о престолонаследии хранился в тайне. Возникшей после смерти Александра I путаницей с принесением присяги воспользовались декабристы, которые обманом подняли солдат на восстание. Новому государю пришлось начинать правление с подавления мятежа. После неудачных попыток уговорить бунтовщиков сложить оружие он действовал решительно. Несколько артиллерийских залпов избавили Россию от глобальной смуты. Эти события наложили серьезный отпечаток на последующую политику Николая I, взявшегося подтягивать разболтанные государственные устои. Была создана служба политического сыска — Третье отделение личной канцелярии, введен цензурный устав. Закрывались оппозиционные издания. Выявлялись и ликвидировались тайные революционные организации.

«Николай I и императрица Александра Федоровна на прогулке». Литография с оригинала Ф. Крюгера. 1833

Вольнодумцы и последующие критики квалифицировали подобные меры как жесточайший полицейский режим. Фактически же Николай спас Россию. Оздоровил, укрепил, надолго отсрочил скатывание к разгулу терроризма и катастрофам революций. Излишней жестокости не проявлял никогда. Из 579 человек, проходивших по делу декабристов (представлявшему собой, заметим, не что иное, как вооруженный мятеж в армии, повлекший множество жертв), 36 были приговорены к смерти. Казнили лишь пятерых главных виновников. И это единственная казнь за тридцать лет правления Николая.

Позже из двух сотен революционеров, привлеченных по делу петрашевцев, к смерти был приговорен 21 — государь сохранил им жизнь.

Весь аппарат Третьего отделения насчитывал лишь 16 сотрудников (в дальнейшем вырос до 28). Они занимались не только политическим сыском, но и секантами, шпионажем, коррупцией. И ничего, справлялись.

Девизом правления стала формула: «православие, самодержавие, народность». Государь был глубоко верующим, не пропускал ни одного воскресного богослужения. К традиционным религиям проявлял полную веротерпимость. Казакам-старообрядцам разрешил строить храмы «со звонами». Но с подрывными антигосударственными сектами боролся. Упразднил на Украине и в Белоруссии структуры униатской церкви. Искоренял и плевелы национализма. Польше в составе России предшественник, Александр I, даровал конституцию, самоуправление, сохранил национальную армию. Но полякам этого показалось мало, в 1830-м они учинили восстание и дикую резню русских. Разгромив и усмирив шляхтичей, царь Николай лишил Польшу всех привилегий, уравнивал с российскими губерниями. Боролся он и с дурным увлечением западничеством. При дворе было велено разговаривать только по-русски, и многим вельможам пришлось заново учиться родной язык.

Необходимость реформ Николай Павлович осознавал даже лучше, чем либералы и всевозможные заговорщики. Он был убежденным сторонником отмены крепостного права, доставшегося ему в наследство. Осуществить это мешало противодействие аристократии. Тем не менее император запретил розничную продажу крестьян без земли. Расширил возможности их выкупа на волю, ограничил права помещиков в отношении крепостных. А за соблюдением прав последних был установлен государственный контроль, защищавший их от произвола. В результате доля крепостных крестьян в населении России сократилась с 57–58 до 35–45 процентов. Под руководством Николая I была проведена подготовительная работа к их полному освобождению, которое осуществит его сын. Улучшалось положение государственных крестьян. Постепенно упразднялись уродливые военные посе-

ления. Крестьяне получали земельные наделы, ссуды. Повышалось их благосостояние, недоимки по податям снижались вдвое.

Сам Николай вел скромный образ жизни. Не любил роскоши, носил простую офицерскую шинель, спал на жесткой кровати. Его рабочий день начинался в семь утра и длился 16–18 часов. Архиепископ Херсонский Иннокентий отмечал: «Это был... такой венценосец, для которого царский трон служил не возглавием к покою, а побуждением к непрестанному труду». Себя государь не щадил. Во время эпидемии холеры в 1831-м приехал в центр бедствия, в Москву, чтобы ободрить запаниковавших жителей. При холерном бунте в Петербурге чиновники и военные растерялись, а царь бесстрашно вошел в толпу больных и успокоил бедолаг, после чего отправился в поле, снял с себя одежду и сжег ее.

Не терпел разгильдяйства, лжи, воровства. Во главу угла поставил законность и порядок. Одним из глав-

«Николай I умиряет холерный бунт в Санкт-Петербурге в 1831 году»

В. Садовников.
«Парад перед западным фасадом Зимнего дворца». 2-я четверть XIX века

ных свершений этого государя стала полная кодификация права. В 1826–1832 годах при его активном участии была проведена колоссальная работа по созданию свода законов Российской империи, сменившего Соборное уложение XVII века и мешанину последующих законодательных актов. С нарушителями закона, с коррупцией царь боролся бескомпромиссно, ввел регулярные ревизии на всех уровнях, и они делали свое дело. Только в одном 1853-м под судом находились 2540 чиновников.

Пригодились на троне и инженерные способности. Николай I взялся налаживать транспортные магистрали огромной страны. Начал

строительство шоссейных дорог с твердым покрытием, их протяженность достигла 8500 верст. Была проложена тысяча верст первых железных путей, 2000 верст линий электрического телеграфа. И если в начале XIX столетия Россия оставалась поставщиком сырья, импортером многих промышленных товаров, то Николай Павлович начал ее индустриализацию. Развивались текстильная, пищевая промышленность, металлургия, родилось отечественное машиностроение — создавались паровозы, станки. За годы его правления производство хлопчатобумажных тканей выросло в 30 раз, объем продукции машиностроения — в 33 раза. Успехи

экономики подкрепила денежная реформа с введением серебряного и золотого обеспечения рубля. Финансовая система России стала прочной и стабильной.

Клеветники выставляли государя гонителем просвещения, но факты говорят обратное. По его указам были основаны Технологический институт в Петербурге, Киевский университет св. Владимира, Военная, Морская, Артиллерийская академии. Поощрялось развитие науки. Значительных успехов достигла химия. Были открыты новейшие в то время технологии — гальванопластика, порошковая металлургия. Строились обсерватории при Московском и Казанском университетах, а место для Пулковской выбрал сам царь. Была также создана сеть технических училищ. Николай I озаботился массовым образованием крестьян, для них открылись 2500 школ, где обучались 111 тысяч человек.

Он обладал отменным художественным вкусом. Ему, как утверждал Иван Солоневич, читали свои произведения Пушкин и Гоголь, обоим царь щедро помогал деньгами. Отбросив мнения цензоров, открыл дорогу постановке «Ревизора». Первым отметил талант Льва Толстого, написал отзыв о «Герое нашего времени» Лермонтова. При его поддержке рождались шедевры Глинки...

Нарушения законов, конечно, наказывались. За дуэль Лермонтов был отправлен на Кавказ, Шевченко за русофобскую клевету — в рекруты. В солдаты отдавали и студентов — за антигосударственные выходки, но ведь это было логично. Университеты должны готовить специалистов-созидателей, а не разрушителей.

Особое внимание царь уделял безопасности страны. Под его непосредственным руководством возводились новые форты и батареи Кронштадта, впервые в истории была оборудована минно-артиллерийская позиция — она сыграла

решающую роль в морской обороне Петербурга не только в Восточную войну, но и в Первую мировую, Великую Отечественную. Кстати, при строительстве железных дорог именно Николай I выбрал более широкую, чем на Западе, колею — преднамеренно, чтобы ими не смог пользоваться вторгшийся враг. Эта стратегическая прозорливость оказалась очень важной в 1941-м.

Воевать приходилось часто. В 1826 году на российские владения напали персидские полчища. Войска генерала Ивана Паскевича так крепко всыпали им, что Иран после этого не воевал с русскими никогда. Под власть самодержца отошли нынешняя Армения и Нахичеванская область. В 1828-м войну объявила Турция. Однако дерзкий прорыв армии Ивана Дибича к Стамбулу заставил султана взмолиться о мире. Россия присоединила Черноморское побережье Кавказа, южную Грузию, устье Дуная. Помогла и единоверцам — благодаря нашим победам освободилась от турецкого ига Греция, получили автономию Сербия, Валахия, Молдавия.

В течение всего царствования Николая I продолжалась тяжелая кавказская кампания. Завершать ее довелось уже сыну. Но основные успехи были обеспечены при отце. Удалось найти выигрышную тактику: Шамиля и его мюридов отрезали от турецких и британских покровителей, постепенно отгесняя в высокогорье, — остальное стало вопросом времени. Население Кавказа получило возможности для мирной жизни и развития хозяйства. Государь начал и наступление на Среднюю Азию, откуда совершались постоянные набеги кочевников. Сдвигались на юг пограничные укрепленные линии, была основана передовая крепость Верный (Алма-Ата).

Умела наша страна и дружить. В частности, помогла Турции в тяжелой ситуации, и был заключен Ункяр-Искелесийский договор. Султан открыл Босфор и Дарданеллы

для русских судов, закрыв их для государств, враждебных России. Царь получил право покровительства православным христианам Ближнего Востока, в Иерусалиме появилась русская миссия. Николай I начал переговоры с Китаем об изменении границ — они завершатся при Александре II присоединением Приамурья и Приморья.

Великая и сильная держава выступала гарантом стабильности во всей Европе. В 1848 году страшный пожар революций охватил Францию, Германию, Италию, Венгрию. По просьбе австрийского императора царь направил войска, быстро и малой кровью подавившие венгерский мятеж. Германские революционеры сразу же перепугались и притихли. Австрийцы, оправившись, сумели усмирить Италию. Европа была спасена от общего взрыва и хаоса. Но наша страна благодарности не удостоилась...

Против нее тайно сформировалась мощнейшая коалиция. Англия, Франция, Сардинское королевство, спасенная Австрия. Для провоцирования конфликта послужила Турция. Строились грандиозные планы: разгромив Россию, «освободить» Польшу, отдав ей Украину, Белоруссию, Литву. Туркам хотели вернуть Крым, Причерноморье, Закавказье. На Северном Кавказе

предполагалось создать «халифат» Шамиля.

Нет, русские не проиграли Восточную (Крымскую) войну. Вражеская армия истекла кровью, сумев захватить лишь часть Севастополя. На Балтике, Белом море, на Камчатке атаки неприятелей отразили. На Кавказе наголову разбили турок, заняв Карс и Баязет. Планы расчленения России были похоронены.

Николай Павлович до этого не дожил. Он простудился на параде. Развилась пневмония. Версию самоубийства, внедренную злопыхателями, можно однозначно отбросить. Таковая абсолютно несовместима с православной натурой государя. Что же касается возможного убийства, то оно, напротив, представляется вполне вероятным. Царь слишком многим мешал. И в первую очередь — западным врагам России. Даже в полной международной изоляции, под давлением всей европейской дипломатии он вряд ли признал бы поражение, которого фактически не было. Приближение смерти император воспринял спокойно, по-христиански. Простился с детьми, внуками, благословил их и дал наставление оставаться дружными между собой. Восходящего на царство Александра II напутствовал словами: «Держи крепко...»

Памятник Николаю I в Санкт-Петербурге. Литография К. Шульца с рисунка И. Шарлеманя. 1850-е

Философ о философе

Последний славянофил

Анастасия Гачева

«Семейство как практическое начало любви» — так в подготовительных материалах к «Братьям Карамазовым» автор романа определил значение уз близкого родства. Семья, в которой появился на свет философ, поэт, публицист Иван Аксаков, служила примером таких отношений. Отец Сергей Тимофеевич, писатель и критик, мать Ольга Семеновна, их четверо сыновей и семь дочерей являли собой полную противоположность тому, что Достоевский называл «случайным семейством», где меж детьми и взрослыми пролегает полоса отчуждения.

У АКСАКОВЫХ — доверие без дидактики, взаимная открытость, общие разговоры и дела, близкие мысли, никакого разрыва между формой и содержанием, чувством и его внешним выражением. Любовь же, соединяющая родителей, братьев, сестер, органически сливается с верой.

Многостраничные послания Ивана Сергеевича, исписанные красивым, уверенным почерком, прилетали в отчий дом сначала из училища правоведения, где подростком он постигал курс наук, затем — из Астраханской, Калужской, Ярославской губерний, Бессарабии и Малороссии, куда посылало его по делам службы правительство, из экспедиции 1853-го, во время которой он описывал нижегородские ярмарки, из Крыма, когда в составе комиссии князя Виктора Васильчикова оценивал ущерб, нанесенный Черноморскому побережью войной, из заграничных поездок... Подробно, в запоминающихся, ярких деталях обрисовывал увиден-

ное и услышанное, фиксировал труды и дни, делился впечатлениями, создавая у близких эффект соприсутствия, преодолевая расстояние теплым, сердечным словом: «Милый отесенька и милая маменька, милые сестры и братья».

Иван Аксаков воспринял от семейных корней и преданий высокий строй души, твердую нравственную основу, неколебимость духа, восхищавшие современников. Федор Тютчев отзывался о нем: «Это натура до такой степени здоровая и цельная, что в наше время она кажется отклонением от нормы. У древних был очень меткий образ для характеристики таких сильных и в то же время мягких натур — они сравнивали их с дубом, в дупле которого пчелы оставили свои медовые соты».

Идеализм в Аксакове сочетался с надежным ощущением почвы, стремлением не упускать из виду реальность, как бы ни контрастировала она с его убеждениями. В 1840–1850-е он отчаянно спорил с родными, друзьями — отцом, братом Константином, Александром Кошелевым и другими, упрекая их в чересчур восторженном отношении к старине, неприятию деятельности Петра, ригористичном отрицании современности: «Допетровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началам, не выработанным или ложно направленным, проявленным русским народом; но ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее».

Он постоянно стремился как можно лучше узнать Россию. Использовал для этого служебные поездки, позволившие ему взглянуть на народ изнутри, познакомиться с раскольниками-староверами; инициативы Русского географического общества, для которого он описывал украинские ярмарки; собственные путешествия. Мыслитель-славянофил изучал и Европу, чтобы судить о ее путях не гололовно. В 1857-м посетил Германию,

И. Аксаков

Францию, Швейцарию, Италию, а в 1860-м — славянские страны.

На госслужбе Иван Аксаков провёл почти десять лет. Чиновник по форме, он не был таковым по духовному складу. Свое дело понимал не как послушное исполнение предписаний начальства, но как честное служение. Именно такими хотел видеть русских управленцев Гоголь, призывавший трудиться не за страх, а за совесть, обретающую нравственную опору в Боге: «Христос научит вас, как закалять дело крепко и навеки».

Вот и Аксаков в статьях и письмах, с одной стороны, мастерски описывает быт и нравы местной чиновничьей братии, иронизирует,

где добродушно, а где едко-зло, над ее крючкотворством, горько сетует на организацию государственного управления: «Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма». А с другой — обращается к чиновничеству почти с проповедью, требуя «полагать душу в дело, не скучать препятствиями, не свыкаться и не мириться со злом». Рисует иную, высшую модель управления, в основе которой — преданность «истинному народному началу и идеалу». А этот идеал, в представлении славянофилов, совсем не материальное благоденствие, не секулярные гражданские права и свободы, но Царствие Божие. В своей публицистике — от ранних заметок до развернутых выступлений в газете «Русь» — он представлял как убежденный сторонник оправдания истории, внесения христианства во все сферы, от педагогики и культуры до экономики и хозяйства, устройства человеческого общества «на законах высшей нравственности и христианской правды»: «Обыкновенно смотрят на религию как на «утешение в скорбях», как на «отраду», на Бога — как на приют, как на богадельню для увечных, больных и всяких духовных инвалидов... Бог есть не только утешение, но сила на подвиг, труд, на деятельность, на жизнь».

И. Аксаков (крайний слева) среди членов комиссии по расследованию деятельности секты раскольников (бегунов). Гравюра с рисунка А. Попова

В русской мысли он одним из первых формулирует идею истории как «работы спасения». Содержание исторического процесса — преобразование мира в Царство Христово, «постепенное перерождение форм и условий нашей общественной жизни под воздействием начал, данных миру Божественным Откровением». Новыми смыслами наполняется и тот труд, который каждый человек должен совершить над собой, чтобы стать достойным участником вызревающего Царства: христианская активность — не эгоистическое самосохранение, а прежде всего взятие на себя ответственности «за всех и за вся».

Вера в созидательный смысл истории и действий человека подерживала его в самые тяжелые моменты, когда родных и друзей настигали болезни, похищала смерть.

Иван Сергеевич пережил немало трагедий: уход из жизни отца и брата Михаила, умершего у него на руках, потерю Константина, гибель при родах долгожданного первенца, отнявшую надежду у немолодого уже Аксакова на радость отцовства. Но этот «могучий дуб», как называли его современники, не сломался, не прогнулся под ударами судьбы.

Духовным детищем стало для него славянофильство, обескровленное после смерти Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Константина Аксакова. Еще в 1850-е по приглашению Михаила Погодина он был неофициальным редактором «Русской беседы», рупора славянофильских воззрений. А в 1860-е, когда главные авторы журнала ушли в вечность, подхватил упавшее знамя. Газеты «День» (1861–1865) и «Москва» (1867–1868) стали голосом этого направления в эпоху реформ.

Акт об освобождении крестьян Иван Сергеевич трактовал не только в сугубо историческом, но и в историософском ключе. Видел в нем начало пробуждения России, ее выхода на собственные, незаемные пути: сняты внешние оковы, стре-

А. Аксакова, урожденная Тютчева

ножившие развитие народного организма; «20 миллионов крестьян введены в круг нашей гражданской жизни», теперь нужно признать их право «на самобытное развитие, на самобытную духовную деятельность». Аксаков надеется на плодотворный синтез органического чувства народности, которое несет в себе крестьянство, и знания образованного сословия.

Задачи журналистики виделись ему в том, чтобы она отзывалась «на каждое явление общественной жизни, подвергала его суду с известной точки зрения», чтобы «результаты, добытые отвлеченным мышлением» озарили смысл современности. «День» и «Москва» действительно откликались на ключевые вопросы времени — крестьянский, дворянский, судебный; о юго-западных окраинах и железных дорогах, студенчестве и нигилизме, свободе слова и цензуре, католицизме и православии, международных делах, — трактуя их со славянофильских позиций.

«Исповеданием веры» славянофильства на новом этапе русской истории стал цикл статей, публикация которых в газете «День» началась 3 марта 1862-го. По признанию самого Аксакова, это была попытка доразвить учение «о Государстве и Земле» его брата Константина.

Иван Сергеевич хотел показать, как должны строиться взаимоотношения государства и земства спустя полтора столетия после реформы Петра, нарушившей баланс в пользу первой из этих сил.

Гипертрофия казенщины, которой народ с его общинной, родовой жизнью противостоять не способен (из-за слабости в нем основ индивидуальности, личности), вызывает необходимость в третьей силе, активной и сознательной. Та, будучи органически сопряжена с народным духом и верованиями, сможет сопротивляться губительному влиянию бездушной государственной машины. Такой силой, по мысли Аксакова, должно стать общество. Оно складывается из личностей, не утративших связи с народом и при этом способных, благодаря своей образованности и просвещенности, перевести в область ясной мысли и конкретного дела идеалы, сокровенно присутствующие в жизни русского этноса. Становясь инстанцией самосознания и самоопределения нации, сферой выработки ее нравственных и социальных принципов, общество явится неким посредником между народом и правительством, оторванным от живого источника отечественных преданий. Национальное целое преодолет однобокость развития, ориентированного на идеалы и формы, заимствованные извне, выйдет на собственный путь.

Произнося слово «общество», Иван Аксаков понимал под ним отнюдь не «высший свет» с его праздными сплетнями и болтовней и не тех представителей образованных сословий, что оторвались от корней. Тем более не ту беспочвенную, отщепенческую интеллигенцию, которую позднее авторы «Вех» (1909) и сборника «Из глубины» (1918) обвинят в том, что она толкает низы на безбожный бунт. Подлинное общество есть «выражение народного самосознания, деятельность живых сил, выделяемых из себя народом».

Это именно «на-
родная интел-
лигенция в
высшем зна-
чении этого
слова».

Иван Аксаков,
безусловно, был
ее представителем.
Как и его друзья-
славянофилы Алек-
сандр Кошелев, Юрий
Самарин, Федор Чижов,
активно участвовавшие в
подготовке реформ Алек-
сандра II, стремившиеся
внести в преобразования
«почвенный» элемент; как
и оказывавшие огромную
помощь газете «День», за-
ступники перед властью —
графиня Антонина Блудова
и Федор Тютчев.

Последний в течение вось-
ми лет поддерживал «День»,
«Москву» и «Москвич», недол-
го выходивший после запрета
«Москвы». В передовицах,
поднимавших вопросы о госу-
дарстве и обществе, о «просве-
щенном общественном мнении» и
свободе печати, о России и Западе,
о католичестве и православии, о
судьбе славянского мира, Аксаков
зачастую соединял свои мысли с
тютчевскими суждениями и оцен-
ками. А вскоре они породнились не
только духовно.

В Анне Тютчевой, старшей доче-
ри поэта, Аксаков встретил друга,
помощницу, единомышленницу.
Европейски образованная, обла-
давшая острым, живым умом и
отзывчивым сердцем, фрейлина
императрицы была горячей сто-
ронницей славянофильских идей.
Современники отмечали в ней ту
же внутреннюю цельность и ду-
шевную чистоту, тот же «высокий
строй мысли и чувства», что и у
Ивана Сергеевича.

Письма Аксакова Анне, ставшей
в 1865-м его невестой, а спустя год
женой, — настоящая высокая и
творческая симфония. Он обсужда-

ет с ней все: будущие пути
России и славянства, во-
прос о смертной казни и
народный идеал «серд-
ца милующего», хри-
стианское

кампанию в поддержку балканских
братьев, находившихся под гнетом
Турции. Собирал средства в поль-
зу восставших сербов и болгар,
организовывал отряды русских
волонтеров, доставлял оружие и
обмундирование для дружин болгар-
ского ополчения. В годы Русско-
турецкой войны (1877–1878) его
называли Мининым движения за
освобождение на Балканах. А болгары
именовали своих ополченцев
«детьми Аксакова» и даже направ-
ляли к Ивану Сергеевичу делега-
цию с приглашением занять болгар-
ский престол.

Глубоко убежденный в том, что
каждый шаг человек должен со-
гласовывать с совестью, того же
Аксаков ждал и от государства.
Уступок в этической сфере, вы-
званных «дипломатическими со-
ображениями», он не допускал, за
что периодически навлекал на себя
гнев правительства. После знаме-
нитой пламенной речи в Славян-
ском благотворительном обществе
22 июня 1878 года — с критикой
отечественной дипломатии за не-
решительность в отстаивании ин-
тересов России и славянства на
Берлинском конгрессе, сдачу по-
зиций, отвоеванных жертвенным
подвигом русских, сербов, болгар,
он был снят с поста председателя
комитета и послан во Владимир-
скую губернию, в село Варварино.
Однако и ссылка не изменила его
убеждений.

Газету «Русь» на протяжении ше-
сти лет, с 1880-го по 1886-й, Иван
Аксаков вел практически в одино-
честве. Именно здесь появились
самые зрелые его статьи на исто-
риософские и богословские темы,
открывавшие новые горизонты
дихотомии «Человек и история».
Скончался он, как солдат духа, на
боевом посту, когда писал очеред-
ной материал для «Руси».

Более 100 000 человек — разных
убеждений, верований, принци-
пов — пришли в день похорон по-
клониться гробу «последнего сла-
вянофила».

отношение к
смерти и ре-
лигиозно-
мистиче-
ский смысл
брака: «В каждом
браке, в каждом сочетании мужа
и жены как бы повторяется Божье
мироздание; в этой чете мужа и
жены — весь мир Божий, вся пол-
нота творения, все человечество».

Особое внимание читателей
«Дня» привлекал «Славянский
отдел». Благодаря передовицам
Аксакова, статьям и корреспонден-
циям с мест, регулярным обзорам
положения дел в славянских
провинциях Турции и Австро-
Венгрии газета стала вестником
идей православной общности. И
выбирая название второй своей
газеты — «Москва», — Иван Сер-
геевич видел в древней столице не
просто средоточие национально-
го духа, но также символ «высше-
го единства всей Русской земли в
пределах и вне пределов Росий-
ской империи», чаемого собирания
славянства в единую семью наро-
дов. Избранный в 1875-м предсе-
дателем Московского славянского
комитета, он развернул широкую

Символ веры

Святой Николай слышит тебя

Елена Федоренко

Свято-Николаевское патриаршее подворье в итальянском городе Бари — величественный комплекс, очертаниями напоминающий древнерусский терем: храмы Николая и Спиридона, Дом паломника, уютный внутренний сад. Здесь же официальное представительство Московского патриархата, уникальный памятник архитектуры в редком псковско-новгородском стиле, монументальном и строгом. Кипит жизнь, звучит русская речь, то и дело слышно: «Отец Андрей решит, поможет, благословит!» Он, молодой, доброжелательный, и впрямь ни одну просьбу не оставляет без внимания. С настоятелем подворья протоиереем Андреем БОЙЦОВЫМ «Свой» беседовал о духовном служении и частной жизни.

СВОЙ: *Есть понятие «призвание человека к сану». Как Вы оказались призванным?*

о. Андрей: Мое становление как личности — в подростковые годы — пришлось на вторую половину 1980-х. Менялась политика, шла перестройка, открылись небывалые свободы. Я рос в типичной семье простых советских служащих, но не скажу, что агрессивнотеистической — все-таки бабушки по праздникам ходили в храм. Мое обращение к вере произошло через чтение.

СВОЙ: *Начали изучать духовную литературу?*

о. Андрей: Первый толчок — Достоевский. Благодарен советской школьной программе за то, что получил в руки «Преступление и наказание». Так увлекся, что прочитал все романы Федора Михайловича. Понял трагедию нашей родины и человека. В те годы стала доступной философская религиозная мысль, я открыл для себя труды Бердяева, Франка, Сергея Булгакова. К окончанию школы осилил Священное Писание и уже ощущал себя верующим, посещал храм. Господь же призывает всех по-разному, меня — так. Большинство людей приходит к Богу через страдания и искушения. Я же с серьезными проблемами не сталкивался: молодой перспективный старшеклассник с хорошей успеваемостью, строил разнообразные планы, мечтал конструировать двигатели для космических кораблей, одно время думал о военной карьере и о профессии адвоката — тоже.

СВОЙ: *Вы родом из Москвы?*

о. Андрей: С Тверской земли, из небольшого городка, где расположена Калининская атомная станция. Хотите забавный эпизод? Я был комсоргом класса, правда, выборы проходили формально и цинично — никому тогда это не нужно было. Вот я сам себя и предложил, подумал, что пригодится для мирской жизни. В выпускном классе, когда твердо решил поступать в

семинарию, пришел в райком сдать комсомольский билет. Молодые секретари, парень с девушкой, попросили: «Не ухудшай нам статистику, просто не считай себя комсомольцем и взносы не плати». Так я и сделал. Когда собрался уходить, они поинтересовались: «А ты буддист или кришнаит?» «Нет, — говорю, — православный». Их реакция меня насмешила: «Странно, примитивно как-то».

Вступительные экзамены в семинарию мы сдавали в 1991-м, перед Преображением, а на Преображение, после литургии, объявили результаты. Радостный оттого, что принят, сел в электричку и отправился домой. По реакции попутчиков понял, что-то произошло. Случился августовский путч.

СВОЙ: *Конкуренцию Вам составляли, наверное, в основном дети священников?*

о. Андрей: Ребят из потомственных церковных семей было немного. Истории абитуриентов похожи на мою — лучшие ученики, активисты, комсорги. Господь нас призвал. Я не думал о церковно-дипломатической карьере, не планировал устроиться в большом городе или за границей, хотел возвращать людей в лоно Церкви. Мы понимали, что коммунизм сильно искадил душу русского народа. Раньше в

семинарии набирали курс в 20 человек, а в мой год взяли 200. Остро стояли кадровые проблемы: храмы возрождались, священников не хватало.

СВОЙ: *Как Вы оказались в Бари?*

о. Андрей: Отчасти потому, что в семинарии помимо других языков выучил итальянский. Еще студентом работал в отделе внешних церковных связей по контактам с Римско-католической церковью. В качестве переводчика участвовал в приеме Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и митрополитом Кириллом делегации из Бари во главе с мэром города. Границы открылись, в Бари хлынул поток паломников, но им негде было исповедоваться и причащаться. Речь зашла о передаче Московскому патриархату храма в этом городе. Тогда верхний храм Святителя Николая отдали, а нижний — Спиридона Тримифунтского — остался за Зарубежной церковью. Промысел Божий в том, что, еще не будучи священником, я познакомился и с мэром, и с приором базилики. (Мощи святителя Николая — о нем наш журнал рассказывал в декабрьском номере за 2015 год — находятся в крипте базилики. — «СВОЙ».)

Дипломатическая работа оказалась интересной, но я мечтал о священстве. Уволился, вернулся в

СИМВОЛ ВЕРЫ

родную Тверь, где был рукоположен в сан, служил три года и никуда не собирался уезжать. Но меня вызвали на аудиенцию к митрополиту Кириллу, и он предложил отправиться в Неаполь организовывать общину: «Город — большой, университетский, нам нужен человек со знанием иностранных языков, который мог бы и лекцию прочитать, и представлять». Я пробыл там почти десять лет, с нуля строил общину, пробивал для нее помещение, находил благотворителей. Нам дали католический храм, где не было иконостаса, надо было привести интерьер в соответствие с нашими канонами. С Божьей помощью удалось.

В 2011 году меня декретом из Неаполя перевели в Бари. В то время была достигнута историческая договоренность Владимира Владимировича Путина и Сильвио Берлускони о возвращении России всего Свято-Николаевского патриаршего подворья. Мэрия Бари не хотела его ни отдавать, ни продавать. Решить вопрос оказалось возможным только на высшем уровне. Весь комплекс стал собственностью Российской Федерации и был передан в безвозмездное пользование Московской патриархии. Шло время, а муниципальные офисы мэрии, размещенные в здании, съезжать не торопились. Мне поручили заняться их отселением.

Неаполь покидал с грустью, там все уже было сделано: церковь оформлена, создана большая дружная община — такой приход-семья, где все друг другу помогали, вместе ездили в паломничества. В Бари пришлось решать вопросы, которых священник вроде и не должен касаться: проведение тендеров, поиск спонсоров. Вникал в архитектурные премудрости, в строительные проблемы, в тонкости итальянского законодательства, ведь речь идет об охраняемом памятнике культуры. Постоянно общался с адвокатами, инженерами, архитекторами. Живем мы до сих

пор в процессе реконструкции. Дом паломника открыли, год шли инженерные работы по замене электролиний, систем отопления и кондиционирования в верхнем храме, сейчас делают новый иконостас, паникадило, подсвечники, фрески — на них понадобится года два. В нижнем храме почти шесть десятилетий ремонта не было, проводка постоянно коротит. Опять нужно искать благотворителей, вникать в проекты, объявлять тендер. Хотелось бы общаться с прихожанами, исповедовать, служить, но здесь пока не такое место. Продолжается стройка. Тяжеловата паства. Любый батюшка, который восстанавливает церковь, за границей или в России, это подтвердит.

СВОЙ: Почему Патриаршее подворье строилось всем Русским миром, а стало собственностью муниципалитета Бари?

о. Андрей: Здание начали возводить при личном участии нашего последнего императора, царя-мученика Николая II. Он сделал первое пожертвование — 10 тысяч рублей. Средства на строительство собирала вся Россия: дважды в год, на Николу вешнего и Николу зимнего, в церквях устраивали тарелочный сбор. В 1911-м был куплен участок земли в пригороде Бари, где аристократы среди зелени пар-

ков возводили себе дворцы. Великая княгиня Елизавета Федоровна приезжала с инспекцией. Она же посоветовала заказать проект архитектору Алексею Щусеву — молодой зодчий уже прославился сооружением Марфо-Мариинской обители. В 1913-м заложили первый камень. Когда строительство завершалось, произошли трагические события — революция и Гражданская война. Паломников здесь уже не было, и грандиозное русское подворье перешло в собственность муниципалитета Бари.

СВОЙ: Какова деятельность Вашего прихода и кто его составляет?

о. Андрей: Община в Бари маленькая, несколько сот человек. Понятно, что есть неверующие, кто-то живет далеко, иные посещают храм редко. На службе — около 50 прихожан. Но город принимает большой поток паломников, окормлением которых я как представитель Патриаршего подворья занимаюсь, служу литургии в крипте, у мощей святителя Николая. Нужно поддерживать хорошие отношения с доминиканцами в базилике, чтобы они разрешали мне совершать богослужения. Приходится проявлять чудеса дипломатии и обхождения, что не так-то просто.

СВОЙ: *Пока ходила по подворью, видела детишек — совсем маленьких, с балалаечками, в платочках и кокошниках, они репетировали русский танец под «Калинку-малинку», а ребята постарше декламировали Пушкина...*

о. Андрей: У нас есть школа «Русская радуга» и ассоциации, выстраивающие мосты дружбы между Россией и Италией. Их силами готовятся разные акции: провожают Масленицу, сообща пекут куличи и красят яйца на Пасху. Торжественно отметили День Победы: начали с панихиды по усопшим воинам, потом — концерт, а в завершение — «Бессмертный полк». Россияне, кто волею судеб оказался в Бари, и те, кто здесь появился на свет, с портретами своих предков почтили память героев минутой молчания. Праздник проходил на нашем подворье. Лавры себе не приписываю, занимаюсь подготовкой активисты ассоциаций. Я же с детьми общаюсь на духовные темы, благоговая, служу молебны, иногда удается найти благодетелей на какие-то проекты.

СВОЙ: *Одна из руководительниц ассоциации «Радуга» сказала, что их цель — сделать так, чтобы дети-билингвы (чаще всего папа — итальянец, мама — из России) говорили по-русски без акцента.*

о. Андрей: Конечно, мы стремимся сохранить русский язык чистым, с культурой, духовностью, что не просто: детишки общаются на нем вне среды его обитания, и если язык не учить, он теряется. Слава Богу, отцы-итальянцы позволяют приводить детей на подворье, где преподают не только русский язык и литературу, но и географию, историю России, основы иконописи, русские традиции.

СВОЙ: *Вы посещали многие вечера российского фестиваля «Летний сад искусств» и даже поддерживали начинание — концерт колокольных звонов.*

о. Андрей: Фестиваль известный и любимый. Мы рады, что есть

возможность прикоснуться к родной русской культуре. Дирекция международных программ под руководством Татьяны Шумовой привозит образцы серьезного и умного искусства. Мы уже привыкли, что на праздник Николы весеннего наши духовные литургические службы идут бок о бок с фестивальными вечерами. И это важно — ведь к Богу приходят и через искусство тоже. Особенно через такое классическое и настоящее, какое предлагает «Летний сад». Барийцы слушали прославленные церковные хоры, участвовали в интересных фольклорных концертах, видели все лучшие кинофильмы последних лет, причем их представляли режиссеры, композиторы

Свято-Николаевское патриаршее подворье было возвращено России в соответствии с договоренностью Владимира Путина и Сильвио Берлускони

или исполнители главных ролей. С особым нетерпением публика ждет встреч с солистами оперы Мариинского театра, до сих пор вспоминают приезд Валерия Гергиева. Новая инициатива на подворье, надеюсь, тоже станет традиционной — своими колоколами мы можем гордиться. Я как настоятель, как священник только поддерживаю дни русского искусства — они в помощь приходу. В глазах здешней общины и местных властей наше сотрудничество с фестивалем поднимает статус подворья, помогает в ежедневной работе, в контактах с муниципалитетом.

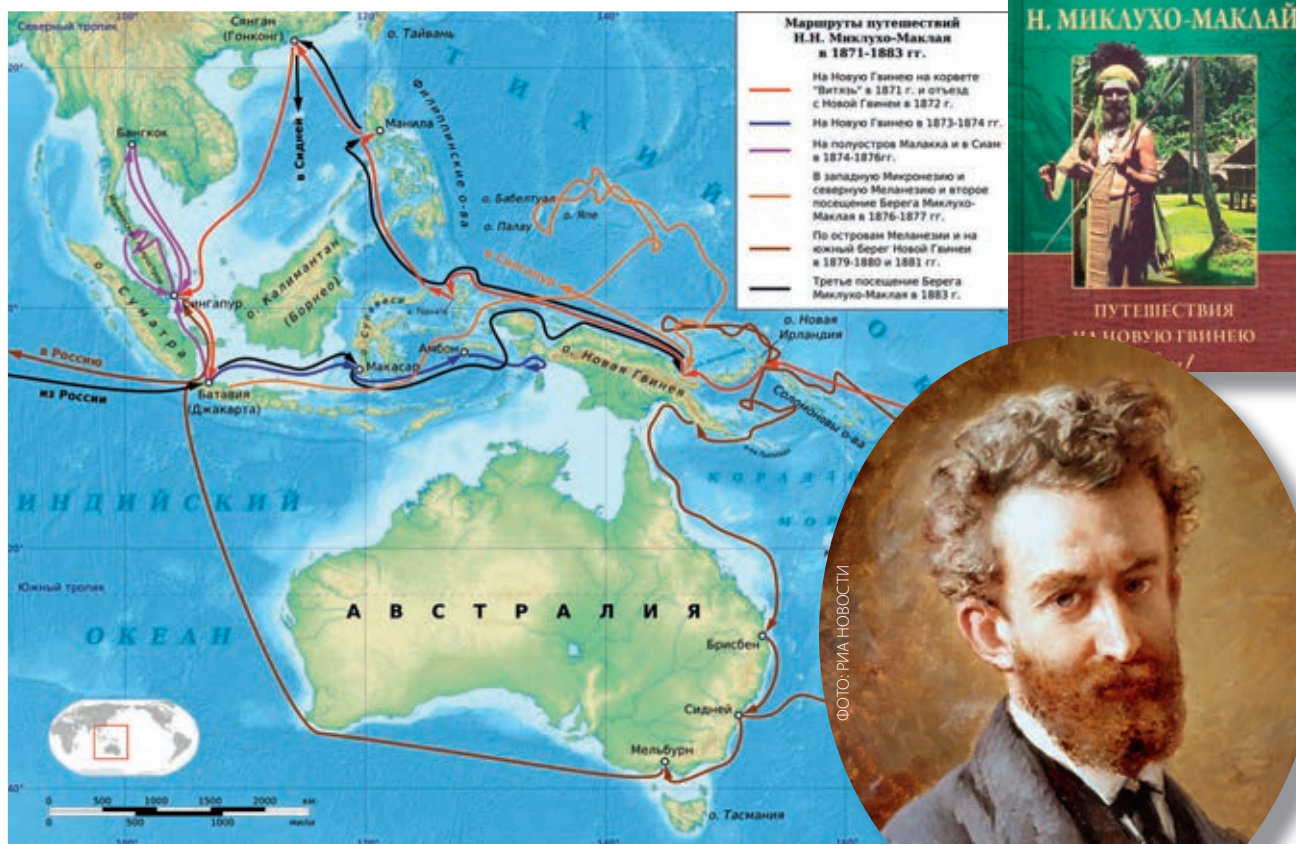
СВОЙ: *Паломников в Бари немало. Куда они идут? К Вам на подворье?*

о. Андрей: В большинстве своем — в крипту. Все знают, что мощи покоятся в базилике. Я почти каждый день служу там молебны и общаюсь с приезжими. Больше половины ничего не слышали о Доме паломника, где можно остановиться, переночевать в уютной комнате с хорошей мебелью, потрапезничать. Не предполагают они и того, что в Бари есть Русская церковь. Пилигримы заходят в крипту и хорошо, если попадают на молебен, — тогда мы встречаемся, я им рассказываю о подворье. Но многие уезжают, так и не узнав.

СВОЙ: *Говорят, мощи в ближайшее время привезут в Москву. Это правда?*

о. Андрей: Слухи — есть, подтвержденной информации — никакой. Попытки предпринимались, но ни разу не увенчались успехом. У барийцев установка — мощи никому не давать. Какие-то частички из Бари расходились в середине прошлого столетия. Тогда, в 1952-м, в базилике началась серьезная капитальная реставрация, и на некоторое время мощи доставали. То было единожды за почти 900 лет. Один богатый предприниматель, не буду называть имени, в год миллениума объявил в российских газетах о том, что добьется, чтобы мощи провезли по России. Он просто высказал мысль, но вызвал изрядный негатив в Бари. Люди выходили на улицы с плакатами, настоятель наш вынужден был объяснять, что инициатива не исходит от Церкви. При Патриархе Московском и всея Руси Алексии II готовился проект по привозу частички мощей в нашу страну, но даже на таком высоком уровне реализовать его не удалось. Сейчас тема вновь обсуждается, и надеюсь, что все получится. А пока приезжайте в Бари. А у кого нет такой возможности, оставайтесь спокойными — святитель Николай слышит все молитвы, даже когда мы находимся дома, в России.

Свой среди чужих

Пособие по человечности

Андрей Самохин

Те, кому довелось поучиться в советской школе, наверняка помнят об отважном русском ученом, проведшем несколько лет среди дикарей-людоедов Новой Гвинеи и Океании, ставшем их другом и защитником от европейских расистов-империалистов. Жизнь, полная приключений, выдающиеся достижения в антропологии, географии, ботанике, зоологии, этнографии сделали это имя одной из международных «визиток» нашей науки. Этнографы многих стран отмечают день рождения Николая Миклухо-Маклая — 17 июля — как свой неофициальный профессиональный праздник.

Так почему же, спрашивается, аборигены съели Кука и (в середине XX века) американского этнолога, банкирского сына Майкла Рокфеллера, а вот русского Миклуху в свое время полюбили как родного?

Инструкция по выживанию

Захватывающие истории о том, как белому ученому выжить среди темнокожих людоедов, подружиться с ними, принести пользу и им самим, и мировой науке, Николай Николаевич рассказал в собственных книгах. Не доверять им нельзя, ведь автор всей своей судьбой подтвердил правдивость написанного.

Итак, что нужно делать, когда вас окружили дикари, направив в вашу сторону копья и луки, а выхватывать пистолет вы принципиально не желаете? Следует разуться, скинуть куртку и, подложив ее под голову, лечь спать. Туземцы сочтут, что вы бессмертный, поэтому с почтением станут охранять ваш драгоценный покой. Но если — когда вы уже подружитесь, освоите речевое

общение — кого-то все же озарит вопрос: «А взаправду ли ты бессмертный?», ответить на него несложно: «Брось в меня копье и проверь». После этого простодушный папуас положит свое метательное оружие на землю и низко склонит перед вами голову.

Впрочем, чтобы поступать по рекомендациям данного «пособия», нужно быть «сумасшедшим русским». Именно так величали Миклуху европейские коллеги и журналисты западных газет. Обитатели гвинейского побережья полюбили его не только за полезные советы и дары цивилизации, но и за открытую, честную душу. Называли «тамо-рус», «русский человек». А еще — «караан-тамо», «лунный человек», после того как кто-то из туземцев был напуган ослепительным светом фальшфейера, который он зажег на морском берегу.

Бессмертный русский лунатик запретил им есть друг друга и идти войной на соседние селения. Однажды, когда назревало очередное столкновение, тамо-рус налил немного спирта в тарелку с морской водой, а затем, чиркнув спичкой, запалил и предупредил грозно: «Будете воевать, я подожду море». Мир был немедленно восстановлен.

Фон Макуха

Природная и научная честность, гуманизм и бесстрашие плюс здоровое честолюбие и изрядная доля авантюризма — эти качества отменно уживались в маленьком человеке с огромной бородой. Все, кто знал Миклуху-Маклая в зрелом возрасте, включая двух российских императоров, так или иначе подпадали под влияние его внутренней силы.

Родившийся 5 (17) июля 1846 года в семье военного инженера-железнодорожника в своем имении на Новгородчине, Коля рано потерял отца, узнал, что такое бедность. Громкая фамилия — возможно, результат двоянного семейного мифа. Предком по отцовской линии был стародубский казак Степан Макуха (Миклуха) из рода потомственных кузнецов. Упоминался в преданиях и Охрим Миклуха, куренной атаман, который с тремя сыновьями под предводительством Богдана Хмельницкого воевал против поляков. Первенец Охрима Назар влюбился без памяти в польскую панночку и предал Родину. Ну а дальше — все по писаному: «Я тебя породил, я тебя и убью». Недаром, мол, дядя будущего этнографа учился в Нежинской гимназии вместе с Николаем Гоголем, неспроста портрет Тараса Бульбы стоял на письменном столе отца Миклухо-Маклая!

Вторая часть семейного триллера повествует о шотландском бароне Майкле Маклае, служившем наемником в польском войске и попавшем в плен к запорожцам в битве при Желтых Водах в 1648-м. Пойманный шотландец вроде как прижился в курене у Миклух, женился на Ганне, сестре Охрима. От этой пары и пошел род неугомимого исследователя. Первую свою

научную статью он, студент Йенского университета, подписал двойной фамилией. Да еще и присовокупил к ней дворянскую приставку «фон». Звучало солидно!

Большого риска человек

Карьере ученого-дворянина предшествовало хождение в революционеры-нигилисты. Зачитываясь Чернышевским, гимназист Николай подражал Рахметову, воспитывал в себе презрение к боли, умение преодолевать собственные слабости. Получил трое суток за участие в студенческой демонстрации в 1861-м, а спустя три года уже в качестве вольнослушателя физмата Петербургского университета за активную роль в очередной буче был отчислен из вуза и лишен права учебы в России. На средства, собранные студенческим обществом, Миклуха уехал в Германию — тогдашний центр естественных наук.

Философия в Гейдельберге, медицина в Лейпциге и Йене, школа пропагандиста дарвинизма Эрнста Геккеля, несколько морских путешествий, изучение ракообразных, губок, полипов и всего такого прочего привели в итоге к тому, что интерес к homo sapiens окончательно возобладали. А природная тяга к приключениям придавала исследованиям молодого ученого формы, от которых у добропорядочных европейцев стлала кровь. Однажды он, обрив голову и нарядившись арабом, в одиночку пешком прошел Нубийскую пустыню и добрался до Судана. К 23 годам исходил своими ногами Аравию, Эфиопию, Марокко, Египет, побывал на островах Атлантики. Голод, болезни и смертельные

опасности, казалось, были ему ничем. Как-то раз его разоблачили, как переодетого гяура, и собирались бросить в море (дело происходило на небольшом судне) мусульманские паломники-фанатики, направлявшиеся в Мекку. Миклуха не растерялся, достал из мешка микроскоп и пригрозил им ужасными последствиями. Испугавшись «шайтан-стекла», правоверные отстали от странного русского.

Иные причуды приводили в растерянность даже тех, кто был привычен к «бестрепетному натурализму». Влюбленная в него юная пациентка в йенской больнице, где он проходил врачебную практику, умирая, просила взять на память... ее череп. Миклуха эту просьбу неведомым образом выполнил. Он превратил «завещанное» в светильник, который таскал с собой во все экспедиции, вплоть до последней: лампа стояла у смертного ложа путешественника.

Курс: Новая Гвинея

Чтобы организовать амбициозную экспедицию к Новой Гвинее, второму по величине после Гренландии и практически неизведанному острову, Миклухе, уже имевшему к тому моменту научный вес, пришлось немало потрудиться. Студенческих шалостей Маклау не поминали, но проект представлялся крайне рискованным и вовсе не дешевым. Заручиться поддержкой знаменитого путешественника адмирала Федора Литке удалось не сразу. Несостоявшийся революционер некоторое время жил в великокняжеском дворце в Ораниенбауме, любезно общаясь с великой княгиней Еленой Павловной, познакомился с цесаревичем, будущим императором Александром III.

Наконец, в 1870-м военный винтовой корвет «Витязь» с Миклухо-Маклаем на борту отчалил от Кронштадтского пирса и через год, обогнув Южную Америку, бросил якорь в заливе Астролябия, на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Когда прощались с этнографом-«безумцем» и двумя его помощниками — шведским матросом Ольсеном и юношей-полинезийцем по кличке Бой, — провожатые обещали прибыть туда, на край света, через два года, дабы забрать путешественников или хотя бы их бранные останки. Никто и предположить не мог, что тот берег близ селения Бонга назовут впоследствии русским именем.

Как стать белым папуасом

Выдержав первое смертельно опасное испытание в виде «знакомства» с папуасами, успешно преодолев сотни последующих преград на пути к свободному общению и взаимопониманию, Миклуха прожил два года в маленьком домике, выстроенном из привезенных досок у ручья, на берегу моря.

Доброта, терпение, настойчивость тамо-руса делали свое дело. Через несколько месяцев он уже свободно входил в хижины аборигенов, лечил их, беседовал с

ними о жизни, давал ценные агрономические советы и семена, менял артефакты цивилизации на продовольствие. Вскоре островитяне убедились, что бриться осколками бутылочного стекла гораздо удобнее, чем кремниевыми скребками, а железные гвозди — вообще незаменимая в хозяйстве вещь. Он и сам многому учился у них, умело войдя в образ ожившего племенного Прапредка. В то время, когда швед Ольсен унывал и хныкал, Миклуха, страдавший по временам от лихорадки, искусанный дикими осами, в тропический ливень, при подземных толчках продолжал работать. Вел к тому же бесценный дневник. Изучал приливы и климат, флору и фауну, а главное, коренных жителей, опровергая бытовавшие на Западе дарвинистско-расистские представления о папуасах как недочеловеках. Эти научные данные стали мощным ударом по «идейным» колонизаторам и работорговцам. Параметрами черепов и строением волос туземцы ничем принципиально не отличались от «цивилизованных» народов, а природной честностью, искренностью, простосердечностью превосходили тех. С Миклухо-Маклаем гвинейцы нашли душевное сродство, и он с гордостью носил еще одно прозвище, данное ему в этих местах, — «белый папуас».

Через два года, как и было обещано, в залив Астролябия зашел русский клипер «Изумруд» — за обглоданными косточками Миклухи со товарищи. Команда судна сперва была несказанно обрадована, узрев его живого и невредимого, а потом ошарашена, услышав, что ученый еще не решил, нужно ли ему столь срочно покидать остров. «Совсем рехнулся», — подумали моряки.

Аборигены, когда «лунный человек» все же отправился в обратный путь, провожали его со слезами и под грохот барабанов. Тамо-рус перед отплытием специально предупредил их, что новые белые люди могут оказаться отнюдь не друзьями, и оставил для опознавания специальный «знак Маклая».

Чернороссия и Миклухо-Макландия

Русского ученого в Петербурге ждали триумф, лекции, государственные награды и персональная монаршая поддержка. Впереди еще клубились морскими и болотными туманами десятки опасных странствий от Филиппин и Индонезии до островов Океании и той же Новой Гвинеи. Предстояли новые

открытия, блестящие научные работы, женитьба в Австралии на дочери влиятельного политика Маргарите-Эмме Робертсон, родившей ему двоих сыновей. Кстати, «австралийский след» дал почву некоторым современным исследователям говорить о миссии Маклая как разведчика русского Военно-морского ведомства, исполнять которую якобы предложил он сам.

Как бы то ни было, всю оставшуюся жизнь Николай Николаевич пытался всемерно помочь своим добрым друзьям гвинейцам, оборонить их от еврохищников. Разработал проект независимого Папуасского союза на Новой Гвинее под опекой Российской империи. Увы, вольное сельскохозяйственное поселение с элементами утопического социализма, куда по призыву Миклухо-Маклая уже готовы были отправиться более двух тысяч соотечественников, не возникло. Не дано было появиться ни научной, ни военно-морской базам России, геополитические плюсы которых ученый красноречиво описывал Александру III во время личной аудиенции. Царь, тщательно взвесив все «за» и «против», отказал: предприятие явно вело к обострению отношений с Англией и Германией.

Вольная республика под Андреевским флагом, уже было прозванная в прессе «Чернороссией», оказалась несбывшейся мечтой и лебединой песней Миклухо-Маклая. Через короткое время немецкие и британские колонизаторы разделят Новую Гвинею, как лакомый пирог.

В 1883-м ученому удалось в третий и последний раз высадиться в знакомом заливе. Из тех, кто его знал, остались лишь немногие старики, уже передавшие легенды о тамо-русе внукам. Он привез им семена, ткани, ножи и топоры, целое стадо домашних животных. Хотел остаться надолго, но картина упадка папуасской жизни и собственные обострившиеся недуги побудили взойти на корабль, отправлявшийся в Россию.

В 1971 году на Берег Миклухо-Маклая высадились советская научная экспедиция. Она застала праправнуков аборигенов, видевших «белого папуаса», великого человека из далекой России. С изумлением слышали наши моряки из уст местных жителей слова «топор», «арбуз», «бык»...

Что ж, на этом берегу не получилось Чернороссии, но Миклухо-Макландия таки состоялась.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Корневая система

В некотором царстве

Валентин Буров

Александру Афанасьеву жилось нелегко. На сохранившемся портрете выдающийся сказитель предстает с напряженным и в то же время задумчивым лицом, заросшим густой бородой. Сам пояснял это мимически-душевное состояние так: «На Руси надо быть слишком пошлым господином или слишком наивным юношей, чтобы было весело». И при этом именно он заботливо передал, по сути, оставил в дар всем последующим поколениям чудо-истории про Репку и Колобка, Лису и Журавля, Морозко и Емелю, невероятно гостеприимный Теремок и его обитателей...

«**НА ДНЯХ** приступаю я к печатанию первого выпуска народных сказок», — писал 27 августа 1855 года чиновник московского архива Министерства иностранных дел Афанасьев известному филологу Измаилу Срезневскому.

С 1855-го по 1863-й вышло восемь выпусков, в которых читателям, прежде всего маленьким, представили шесть сотен крайне занимательных текстов — с вариантами, обстоятельным комментарием, а также «родственниками» русских сказок, созданными другими народами. Это было самое крупное в своем роде издание, причем не только в масштабах

России. Для сравнения: в «Немецких сказках» Якоба и Вильгельма Гримм таковых содержалось почти втрое меньше.

Кстати, один из знаменитых братьев, узнав о труде Афанасьева, просил заглянувшего в Берлин русского литератора передать Александру Николаевичу горячий привет и признательность за проделанную работу.

Сказки Афанасьева — поистине памятник национального творчества. Более того, это уникальное творение, по словам автора, «как создание целого народа не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды». Афанасьевские толкования поражают пронзительностью и неожиданными находками, превращаясь порой в красивые парадоксы. К примеру, Александр Николаевич узрел в Илье Муромце бога-громовника, окованного зимней стужей и потому сидящего сиднем. Он должен напитаться весенних дождей, чтобы поднять меч — то есть молнию.

«Чудесные сказки, — писал собиратель, — есть чудесное могучих сил природы и... нисколько не выходит за пределы естественности, и если поражает нас невероятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь с древними преданиями и их живое понимание».

Издание народных сказок стало чрезвычайно заметным событием в научной и общественной жизни Российской империи. Высказаться об этом сочли своим долгом многие ученые тех лет: Александр Пыпин, Федор Буслаев, Иван Котляревский, тот же Срезневский... Обычно скупой на лестные отзывы, Николай Добролюбов тоже похвалил: «Сборник г. Афанасьева превосходит другие по своей полноте и по точности, с какою старался издатель придерживаться народной речи, даже самого выговора». И далее: «Вы читаете у г. Афанасьева подлинные сказки русского народа, без прикрас и почти без пропусков, расположенные более или менее удачно, сообразно с их содержанием».

Некий богатый издатель вышел с предложением продать ему не только сказки, но и право на публикации

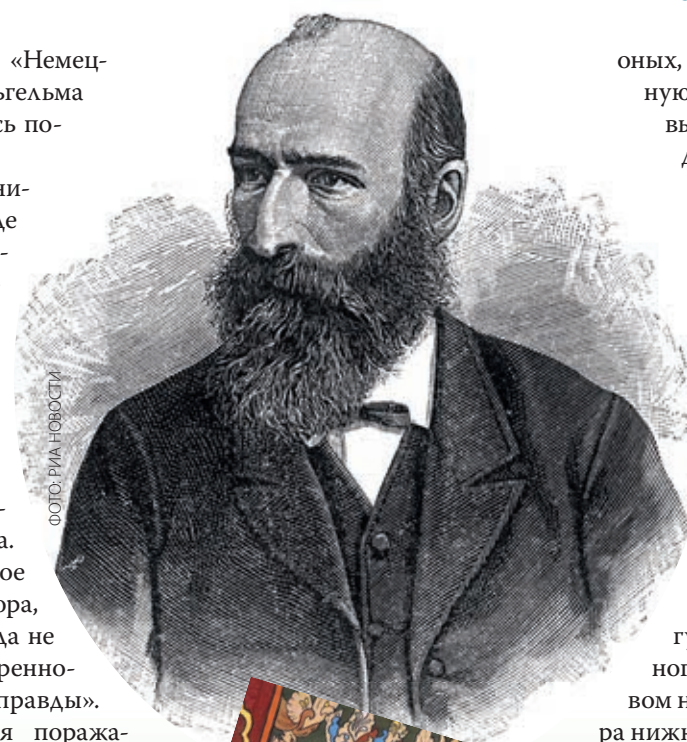

ФОТО: РИА НОВОСТИ

онных, посулив автору приличную сумму. Тот отказался от выгодной сделки, пожелав для себя одного: чтобы все вокруг пленились прекрасным народным творчеством, его «младенческой наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного».

А родился наш самый главный сказочник ровно 190 лет назад, 23 июля по новому стилю, в городе Богучаре Воронежской губернии, в семье уездного стряпчего (этим словом называли тогда прокурора нижнего звена).

Александр окончил воронежскую гимназию. Затем поступил в Московский университет. Еще во время учебы начал сотрудничать в «Современнике» и «Отечественных записках». В означенных журналах и были опубликованы его первые материалы — литературоведческие. Афанасьев слыл тихим, благообразным господином, склонным к размышлениям. Трудился в московском архиве Министерства иностранных дел, близ Ивановского монастыря. Досуг во всякую погоду проводил на толкучем рынке у Сухаревой башни. Домой возвращался с увесистой поклажей — горами перетянутых бечевкой старинных книг и рукописей. Составил богатейшую библиотеку и из ее недр черпал темы для своих сочинений. Таковых Афанасьев оставил после себя более ста тридцати. Самых разнообразных: посвященных истории родной страны и национальной литературы, журналистике, этнографии и многому другому.

Он вовсе не являлся кабинетным затворником. Писатель и литературовед Владимир Порудоминский утверждал, что переписка Александра Николаевича, его дневник и прочие свидетельства доказывают:

он вовсе не являлся кабинетным затворником. Писатель и литературовед Владимир Порудоминский утверждал, что переписка Александра Николаевича, его дневник и прочие свидетельства доказывают:

Афанасьев постоянно находился в центре общественной жизни. Бывал на собрании по случаю предстоящей крестьянской реформы, на обеде в честь освобождения декабристов, на заседаниях ученых обществ, в литературных кружках, на театральных премьерах...

Ученый, юрист, этнограф (а также сын декабриста) Евгений Якушкин дал ему следующую характеристику: «Афанасьев был человек с очень определенными и твердыми нравственными понятиями, не допускавшими никаких компромиссов. Человек прямой, он высказывал свои мнения, ничем не стесняясь и нередко с большой резкостью... Меня привлекала к нему его нравственная чистота и та прямота в характере, которая

и тогда (как и теперь) встречалась очень редко».

В 1858 году в Москве начали выходить «Библиографические записки». Александр Афанасьев, ставший одним из авторов, уведомлял, что журнал намерен знакомить читателей «с живым содержанием редких, малодоступных и тем не менее любопытных изданий». Там публиковались письма Лермонтова, Грибоедова, Полежаева, материалы о Новикове, Радищеве, Фонвизине, ранее неизвестные стихотворения Пушкина.

С каждым номером приходилось мучиться — цензор исчеркивал красным карандашом едва ли не все страницы макета. В конце концов редакция, изнуренная атаками цензуры, пришлось остановить вы-

пуск в ожидании «более благоприятных условий».

В 1860-м Афанасьев издал «Русские народные легенды». Однако книга была изъята из продажи. Отчего? Сборник включал 33 текста, в том числе о жизни Христа и святых, и некоторые церковью оценены как содержащие «кошунство и поругание». Митрополит Петербургский и Новгородский Григорий неподдельно гневался: «Люди, способные собирать, пропускать в печать и печатать заключающиеся в упомянутой книжонке рассказы, могут быть только потерявшие страх Божий и удобно могущие быть готовыми на всякое зло».

У автора «Легенд» вскоре произвели обыск. Полиция, правда, искала иную криволю — такую, за

которую можно было строжайше по суду наказать. Ничего порочащего в доме не обнаружили.

Тем не менее Афанасьева вызвали в Санкт-Петербург, в особую следственную комиссию. «На допросе не сознался и на очной ставке не был уличен», а потому ему позволили «возвратиться на постоянное место его жительства».

Службу, однако, пришлось покинуть, ибо тень на репутацию упала изрядная. К тому времени Александр Николаевич занимал довольно высокую должность — правителя дел комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при архиве Министерства иностранных дел. И жалованье было недурное.

С превеликим трудом удалось найти скромное место секретаря, сначала — в Московской думе, после — в «мировом съезде». Но литературной работы он не оставлял. Круг его интересов весьма широк, о чем свидетельствуют названия статей: «М.С. Щепкин и его записки», «Поэтические предания о светилах небесных», «Народные поэтические представления радуги»...

В последние годы жизни Афанасьев вновь обратился к сказочным произведениям, разбив их на детские и взрослые. Подготовил к печати «Русские заветные сказки», содержание коих неподготовленного читателя могло ввести в краску. Впрочем, в книге имелась пометка: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров». (Впервые «Заветные» были массово изданы в России спустя век с гаком.)

Возраст как будто позволял строить долгие планы, но Александра Николаевича настигла чухотка. Он покинул этот мир в возрасте сорока пяти лет.

В материале использованы иллюстрации Ивана Билибина, замечательного художника, патриота, человека с крайне непростой судьбой. Во время Гражданской войны он эмигрировал из советской России, в 1930-е вернулся на родину. Умер в блокадном Ленинграде зимой 1942 года. 16 августа со дня рождения этого выдающегося иллюстратора и театрального оформителя исполнится 140 лет.

г. Муромъ Московская ул.

Живая история

Алеша Муромец

Элла Матонина

Его имя стало легендой. Александр II пожаловал ему орден Святого Владимира четвертой степени с девизом «Полезьа, честь и слава». Муромским обществом был составлен в свое время «приговор»: поместить в рабочем зале местной думы его изображение, с тем чтобы каждый «взирая на портрет, имел его своим примером». Сегодня это полотно, выполненное художником Аполлинарием Горавским, находится в историко-художественном музее Мурома. Об этом человеке слагали стихи и поговорки. В память о нем были установлены мемориальная доска и бюст в сквере, названном в его честь. Ему пели хвалу при жизни. Пророчили славу непреходящую — и не ошиблись. В городе до сих пор о нем говорят: «Наш отец». Редкость!

АЛЕКСЕЙ Ермаков родился в Оренбургской губернии, в Челябинске, за два года до конца XVIII века. Его отец числился купцом второй гильдии. Сын же начал карьеру с малого — поступил в казенную контору на должность писца.

Женился в 19 лет на дочери приказчика Марии Наседкиной. Случилось это в Кыштыме, на востоке Урала, там, где знаменитый Никита Демидов построил свои не менее известные заводы. Места красивые, просторные и не бедные. Но навсегда поселиться там Ермаков не захотел. Выбрал, когда настал черед осесть на постоянное жительство, далекий от Уральско-го хребта Муром.

Говорят, убедил его навсегда остаться в этом городе местный неудачник-купец: «У меня не получилось, не значит, что у тебя не получится. Народ здесь с оглядкой, однако основательный и верный. Хитроват, скуповат, но в коммерции без этого нельзя». Выпив, переходил на шепот: «Много здесь особенного. Посмотри, как стоит город — с потаенными своими сокровищами. Если уж леса, то вековые, дремучие. Если уж лиходеи, то Соловей-разбойник. Если уж славный богатырь, то Илья Муромец. Если уж купцы, то такие храбрецы, что за тридцать земель по Оке, Волге, Днепру, Десне с красным товаром едут. А торговал Муром еще и с греками, и с булгарами, и со всем арабским миром».

Все знал этот купец-книголюб, но не сумел применить к делу. Ермаков был из другого теста. Спустя три года по приезду на новое место (1847) он — купец третьей гильдии, в 1855-м записывается в первую, становится богатым и влиятельным человеком.

Перед его глазами — деревянный город с немощными улицами, ни чистоты, ни порядка. На площадях — груды навоза и мусора. Дороги весной и осенью совершенно не годились для проезда, тонули в вязкой грязи и лужах. Вечерами всюду темно: 26 масляных фонарей старой конструкции не приносят никакой пользы — один расход.

Особенно раздражало и расстраивало Ермакова то, что все это неряшество соседствовало с великолепным узорочьем храмов Троицкого и Благовещенского монастырей. Он поднимал глаза к небу, смотрел на главы-маковки и думал: хорошо бы их обновить. Улыбался, если в этот момент слышал мелодичный звон, ибо с детства помнил надпись на одном из колоколов: «Пока я звоню, пусть далеко отступят огонь, град, молния, зараза, меч, сатана и злой человек».

Все больше ощущая Муром своим, родным, Алексей Васильевич начал понимать его извечные проблемы. Город мучили пожары. Их едва удавалось тушить. В 1859 году таковой возник из-за неудачного расположения городской ярмарки с ее временными балаганами и скоплением народа. Стало совершенно ясно, что пожарная команда, состоящая из нижних чинов-отставников плюс неважнецкого обоза, не может справиться

с сильным пламенем. К тому же вода имела лишь во дворах — ее доставали из колодцев небольшими бадьями. На берегу полноводной Оки — проблемы с водой! Съезды к реке были неустроенными, попытка добыть спасительную влагу превращалась в каторжный труд, особенно для женщин. Козья речка, остаток прежнего городского рва, являлась просто отстойником, представляла несомненную опасность для здоровья жителей, которые пили из нее воду...

Общественная деятельность Алексея Ермакова на благо Мурома берет начало в 1851-м. Спустя шесть с лишком десятилетий тогдашний городской голова Иван Мяздриков записал: «В этом году Ермаков был

избран попечителем городской больницы... Он выстроил за свой счет деревянный флигель для помещения в нем женского отделения, аптеки и цехгауза. Открыто по его инициативе и женское училище, и он был назначен его Почетным блюстителем. Он хотел дать ход учебному образованию девиц — будущих матерей, благодаря чему улучшится семейный быт, а следовательно, и нравственность. Это училище, преобразованное впоследствии в прогимназию, а потом в гимназию, он первоначально поместил в своем доме. Кроме сторулевого взноса по должности, он ежегодно одевал на свой счет сорок учениц».

В 1862-м Ермаков стал градоначальником. Должность главы городского общественного управления была введена Екатериной II. По ее указу голова избирался домовладельцами не моложе тридцати лет. Обязывался выполнять «особые рас-

поряжения» высшей власти. Интересно, что впервые Алексей Васильевич удостоился такого избрания в 1857-м, но почему-то отказался от почетной и ко многому обязывающей должности. Возможно, сравнил потребности печального состояния города и свой тогдашний ресурс. И как человек честный решил, что это сравнение — не в его пользу.

Жители, выбирая себе мэра из купцов, требуя успешности в делах и честности и находя все это у Ермакова, во второй раз выдвинули его. Тот согласился и стал двадцать третьим градоначальником Мурома.

Большую роль в его судьбе сыграла встреча с чиновником особых поручений Министерства внутренних дел Евгением Богдановичем. Видя в Ермакове горячее

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

усердие, стремление к общей пользе, а также желание начать службу с крупного, стопроцентно необходимого для города предприятия, Богданович сказал: «Мурому нужен водопровод». Ермаков не терял ни дня. В это нелегкое дело решил вложить часть собственного капитала. Поначалу сделал ошибку, посчитав, что водопровод требуется лишь для борьбы с пожарами, а потому заполнять его можно из Оки. Но довольно быстро сообразил: вода-то нужна и для других надобностей, а в периоды весеннего половодья и осенних дождей она непригодна для человека.

В мае 1863-го под началом Ермакова уже работал инженер-подполковник Егор Ержемский. Тот в короткий срок составил план мероприятий, выбрал место для водонапорной башни и фонтанов. Тогда же стали искать родники. Источники с изобильной водой хорошего качества нашли на берегу Оки, немного выше церкви Николая Мокрого. Решили устроить там сборные колодцы и водокачку.

Ержемский потребовал, чтобы никто не вмешивался в его деятельность. 11 июля заложили фундамент водонапорной башни.

Городской голова, не мешкая, отправил инженера за границу, в Берлин и Гамбург — купить машины, чугунные трубы, все необходимое для фонтанов. Работа закипела.

(Сегодня эта башня — не только памятник архитектуры, но и символ ермаковского времени. Никто и никогда больше такого сооружения не построит.)

Не обошлось и без серьезных проблем. В сентябре Сенат издал указ о возведении Ермакова в потомственное почетное гражданство. А в октябре вдруг пришел запрет на строительство водопровода. Владимирская губернская комиссия потребовала объяснений: «...кто будет содержать содеянное?» — вдобавок предположив, что «от водопроводного дела будут безобразия в городе и неудобства для жителей».

Вот как описывает происшедшее все тот же Иван Мяздриков: «Ермаков был крайне возмущен таким взглядом на его предприятие. Он пишет губернатору, что уже израсходовано 35 тысяч рублей, что, устраивая водопровод, он имел не личные интересы, а благосостояние города... Что затрачивая свой довольно значительный капитал, он не желает иметь над ним контроля, что его постройки не делают безобразия городу, а наоборот, служат его украшению...»

Несмотря на указанную переписку с губернатором и все представленные доводы, комиссия не разрешила продолжать строительство. И тогда градоначальник написал докладную министру в Петербург. Эту схватку он выиграл: 26 августа 1864 года состоялось торжественное открытие водопровода, Ермаков передал его горожанам, и Муром стал одним из немногих городов России, получивших совершенную систему водоснабжения.

Водокачка с водосборными колодцами, с машиной в 15 сил, нагнетательная магистраль с чугунными трубами, водонапорная башня с баком вместимостью до четырех тысяч ведер, 17 фонтанов, водоразборная линия длиной более четырех верст из деревянных труб — все это действовало более ста лет и было сделано Ермаковым на свои деньги, без привлечения сторонних капиталов.

Постройка водопровода в маленьком уездном Муроме стала замечательным событием, приобретшим всероссийскую известность. Многие городские управления обращались к Ермакову с просьбой прислать чертежи и планы.

Наконец, наступил перерыв в делах. Градоначальник, не без увещаний супруги, собрался в Европу на отдых, на воды. Но, следуя как-то мимо Николонабережного оврага, зацепил взглядом разрушенный дождем и ветром ярмарочный балаган — и куда-то с женой не поехал. Вспомнил жуткий пожар 1859 года и принялся вывозить старую ярмарку за пределы города. На муниципальные и личные средства вскоре начал стройку постоянных павильонов — девяти корпусов с лавками. Алексей Васильевич ссужал необходимые суммы без процентов. Помимо лавок, трактиров, кондитерской, всевозможных выставок, поборник красот Ермаков возле ярмарки с ее теперь уже постоянной пропускной разбил сад и поставил роскошные фонтаны.

Под его началом соорудили новые казармы, избавившие население от бремени постоя солдат. Засыпали

Козью речку, срыли вал около Троицкого монастыря и перебросили сюда землю с Воеводской горы, дабы на месте смрадной, антисанитарной канавы устроить красивую Сенную площадь, расширить бульвар и высадить сквер. Переселили с Успенского оврага жителей — в городской поселок под названием Новый штаб.

Возле Большого моста стояла богадельня в один этаж. Глядя на бездомных, этот тертый жизнью купец восклицал: «Сердце рвется». В Муроме таких «сирот» было немало. Ермаков расширил старое здание богадельни, надстроил второй этаж и поселил туда бедолаг. Здесь же разместил лечебницу и аптеку. Первая из этой пары имела в городе огромную популярность. Содержал ее Алексей Васильевич на свои капиталы.

В том же здании расположил для детей «неизвестного происхождения», подкидышей, приют, устроенный со всеми удобствами. «Детей опекали няни, кормилицы, врач, за порядком постоянно следила благородная дама», — так писалось в газетах.

Ермаков понимал, что на приют будут постоянно требоваться деньги, и предпринял некоторые маневры. Например, скупал старые питейные дома за заставой на берегу Оки и передавал их в город, дабы полученные барыши шли на поддержание приюта. С разрешения городского управления выстроил за свой счет пять мясных лавок и тоже отдал их обществу, чтобы доходы с них направлялись по тому же адресу.

Муромцы поняли, что, кроме обыденного проживания, есть очень важная вещь — исполненный ответственности уклад родного города, его слава и благополучие. Они поддержали своего градоначальника, когда тот ходатайствовал перед правительством о внедрении телеграфа. Таковой появился за счет капитала Ермакова и пожертвований граждан. Оказали

помощь, когда он поднял проблему начального образования, найдя нужным иметь в Муроме 25 школ, а не шесть, к тому моменту действовавших. Разумеется, не могли отказать ему в строительстве библиотеки. Дружно, с энтузиазмом сказали «Да!», когда Алексей Васильевич испросил разрешение общества на постройку театра. И содержал труппу за свой счет. Старый город обрел праздничные нарядные вечера, разговоры об искусстве, театральные разъезды, постоянно насыщался чем-то новым. Образовывались связи, на которых держится достоинство любого места.

**Муромцы поняли,
что, кроме обыденного
проживания,
есть очень важная
вещь — исполненный
ответственности уклад
родного города, его слава
и благополучие**

Знаменитая Пелагея Стрепетова, объездившая русскую театральную провинцию — Рыбинск, Ярославль, Самару, Симбирск, оказавшись на гастролях здесь, поразилась: «Какое же было наше изумление, когда мы, приехавши в Муром, нашли небольшой, чистенький, милый городок, прекрасно вымощенный, с фонтанами на площадях, с водопоями, а главное, площадь с собором посередине своей необычайной красотой даже смело смогла бы сделать честь картине незаурядного художника». Во время прогулок по городу она особенно любовалась Троицким монастырем. Ей вряд ли сказали, что белый каменный двухэтажный корпус, узорчатая ограда и золотые главы церковью устроены желанием и личным капиталом городского головы, с которым актриса накануне беседовала после спектакля...

У людей энергичных, деятельных, к тому же еще и эффективных, в завистниках-недоброжелателях нигде и никогда недостатка не было. Нашлись таковые и у Ермакова, в октябре 1868-го в газете «Биржевые ведомости» напечатали пасквиль с обвинениями муромских властей в необоснованных тратах. Конечно же, это была атака на мэра. Но муромцы (сейчас их самоназвание — «муромляне») встали на защиту своего начальника, возмущенное общество практически единодушно назвало статью вымыслом, ложью, клеветой.

Его последнее крупное дело было связано с мечтой о том, чтобы Муром выбрался из своего захолустья, вплелся в сеть стальных магистралей империи. Однако проект железной дороги в этом районе министерство путей сообщения уже однажды (еще в «доермаковские времена») отклонило. Градоначальника этот отказ не остановил. Он пригласил толкового и настойчивого человека, отставного гвардии поручика, заключил с ним договор и дал тому полную доверенность на хлопоты по строительству железной дороги от Мурома до Коврова. Выделил на расходы 100 тысяч из личного капитала. Условия его были простыми: если дорогу проложат, то эта «сумма должна быть возвращена акциями железной дороги, в противном случае он жертвует их на строительство и обязуется не взыскивать».

В январе 1880-го из Коврова в Муром вышел первый поезд. Любимый город Алексея Ермакова получил железнодорожное сообщение и отныне отправлял товары на знаменитую ярмарку Нижнего Новгорода, в промышленные зоны Москвы и «далее по всем пунктам». В Муроме открылись паровозные мастерские, ставшие потом одним из крупнейших локомотивостроительных заводов. Жаль, что легендарный мэр всего этого не видел. Он умер десятью годами ранее, в ночь на 9 августа 1869-го.

Русский характер

Ф. ЖУРАВЛЕВ. «КУПЕЦКИЕ ПОМИНКИ». 1876

Василий Тёркин — идеальный бизнесмен

Дмитрий Тихонов

История беллетристики знает много примеров продолжения популярных, полюбившихся читателям литературных произведений. Найти таковые, покопавшись в памяти или на книжных полках, не велик труд. А вот отыскать хотя бы пару книг с одним и тем же названием, совершенно аналогичными фамилией-именем-отчеством главного героя, но при этом с абсолютно разными сюжетами из различных эпох — практически невозможно. Зачем предлагать читателю второго, не похожего на первого «Гамлета» или «Евгения Онегина»? Разве не абсурд? Однако не будем спешить...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО прозаика Петра Боборыкина, 180-летие которого отмечается в этом году (1836–1921), можно причислить к категории самых плодотворных российских литераторов. Его перу принадлежит более 100 повестей и рассказов, 18 романов и 19 драматических произведений, огромное количество очерков и статей по философии, литературе, эстетике, театральному искусству. Все творческое наследие Петра Дмитриевича заняло бы свыше 70 томов. Знаменит он был также и тем, что ввел в русский язык слово «интеллигенция».

Боборыкин сравнивал писателя с ученым — натуралистом и социологом, скрупулезно изучающим все проявления реальной жизни. Задачей литературного творчества считал «фотографирование» действительности в определенный момент истории. Его произведения как раз и являются своего рода фотоснимками бытия, рассказывающими об актуальных общественных явлениях. Роман «Дельцы» — первое вторжение капитализма в русскую жизнь, «Солидные добродетели» — посвящение послереформенным годам, «Лихие боести» — о разочаровании интеллигенции после неудачных хождений в народ.

Вот и «Василий Тёркин», опубликованный в 1892 году в журнале «Вестник Европы», повествует о зарождении капитализма в нашей стране, появлении нового отечественного предпринимательства, его психологии и философии. Тогда у нас полным ходом шли реформы в экономике, а общество усиленно искало идеал современника. Такого героя своего времени и описал Боборыкин.

Действие романа происходит в 1870-е на Волге. Главный персонаж Василий Иванович Тёркин — крестьянский сын, подкидыш — чем-то напоминает Лопихина из чеховского «Вишневого сада». Ему около тридцати, и он уже многое испытал.

В юности после конфликта с преподавателем был выгнан из гимназии. Чтобы избежать позорной порки розгами у себя на селе, целый год в больнице изображал сумасшествие, однако был избалован и прилюдно наказан общиной. В результате у него не только неприязнь к крестьянскому «миру» и «самоуправлению» возникла — появилось неудержимое стремление «уйти из податного сословия во что бы то ни стало, оградить себя службой или деньгами от нового позора». И тогда Василий начинает потихоньку заниматься торговлей. Благодаря уму, трудолюбию и де-

П. Боборыкин

ловым качествам он за десять лет из мелкого торговца становится крупным предпринимателем, владельцем парохода, а еще через два года — директором лесопромышленной компании, скупающей леса у помещиков.

При этом обретает репутацию порядочного человека, так как всегда ведет дела без обмана. Тёркин — честный и думающий, «барыши без идеи, для одного себя» его не привлекают. Ему хочется вести «рациональное хозяйство с правильными порубками», сделать заказник, открыть лесную школу. Он мечтает «об охранении родных богатств», которые сможет передать своим детям «как неприкосновенную, неотчуждаемую собственность».

Василий не просто размышляет о добрых и полезных делах, а действительно нередко выражает

людям: больному ссыльному народнику дает работу и отправляет его на лечение, помогает выйти из неприятной ситуации знакомому капитану парохода, поддерживает прогрессивные идеи лесоведа. Но не нужно думать, что Тёркин — баблень судьбы и что в его жизни все просто и гладко. В нем борются два человека — живущий по совести и действующий по расчету. Прежде чем он обзаведется капиталом и благородными мечтами, судьба проводит его через множество испытаний и разочарований, преград и искушений.

Вначале бывший компаньон и наставник пытается втянуть его в какую-то денежную аферу. Но Василию достает ума отказаться.

Затем он встречает роковую женщину — Серафиму. Когда ему не хватает 20 000 рублей на покупку парохода, она уговаривает его взять фактически сворованные ею деньги. Тёркин уводит Серафиму от мужа, но не женится, чувствуя, что она для него «любовница, но не

подруга», что из двух людей, борющихся в нем, «она не поддержит того, который еще блюдет свою совесть», потому как у нее самой «совесть растяжимая». Из-за денег Серафима чуть было не совершает убийство своей двоюродной сестры Калерии. Василий Иванович расстается с ней навсегда. Влюбляется в Калерию, красивую, образованную, сестру милосердия. Но та, неожиданно заболев, умирает.

Смерть девушки, с которой он хотел связать свою жизнь, «предстала пред ним как таинственная кара» за его безверие. Василий отправляется в Троице-Сергиеву лавру, надеясь найти успокоение и веру. Однако в монастыре видит лишь мирскую суету: торговые ряды, нищих и симулянтов, а главное — полное безразличие к Богу.

Через некоторое время он делает предложение Александре, которую не любит, а просто жалеет и хочет

избавить от ненавидящих ее родственников и грозящего ей позора. Совершает еще одно доброе дело, помогает «беспомощному женскому существу»...

Мировоззрение Тёркина благодаря всем этим сложным и многообразным коллизиям окончательно формируется, и он по праву горд собой. «Все осуществимо! И чувство удачи и силы никогда еще не наполнило его, как теперь... Ему самому не верится, что в каких-нибудь два года он — в миллионных делах, хоть и не на свой собственный капитал. Начал с одного парохода, завел дело на Каспийском море, а теперь перемахнул на верховья Волги, сплотил несколько денежных тузов и без всякого почти труда проводит в жизнь свою заветную мечту. И совесть его чиста. Он не для «кубышки» работает, а для общенародного дела. С тех пор как деньги плывут к нему, он к ним все равнодушнее — это несомненно. Прежде он любил их, по крайней мере ему казалось так; теперь они — только средство, а уж никак не цель... Пачки сторублевок, когда он считает их, не дают ему никакого ощущения — точно перелистывает книжку с белыми страницами. Но везде повально воруют, где только можно, без стыда и удержу. В банке проворовались господа директора, доверенные люди целой губернии — и паника растет; все кинулись вынимать свои вклады. У кого есть еще что спускать, бессмысленно и так же бесстыдно расхищают. Разве он, Тёркин, не благое дело делает, что выхватывает из таких рук общенародное достояние? Это не кулачество, не спекуляция, а «миссия»! И она питает его душу».

Сегодня, когда мы вновь наблюдаем генезис предпринимательства, капитализма, нам в качестве примеров для подражания телевидение подсовывает героев то «Бандитского Петербурга», то «Бригады». Словно больше нет в России нормальных честных людей, занимающихся бизнесом. По-

Б. КУСТОДИЕВ. «КУПЕЦЪ», 1918

Между двумя Тёркиными общее есть. Вероятнее всего, тонкий художник Твардовский в глубине души прекрасно это понимал. Оба Василия — простые люди, живущие по совести. Не потеряли себя, с мужеством и достоинством прошли через все невзгоды

О. ВЕРЕЙСКИЙ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «ВАСИЛИЙ ТЕРКИНЪ», 1943–1946

Теркин — кто же он такой?
Сказки откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

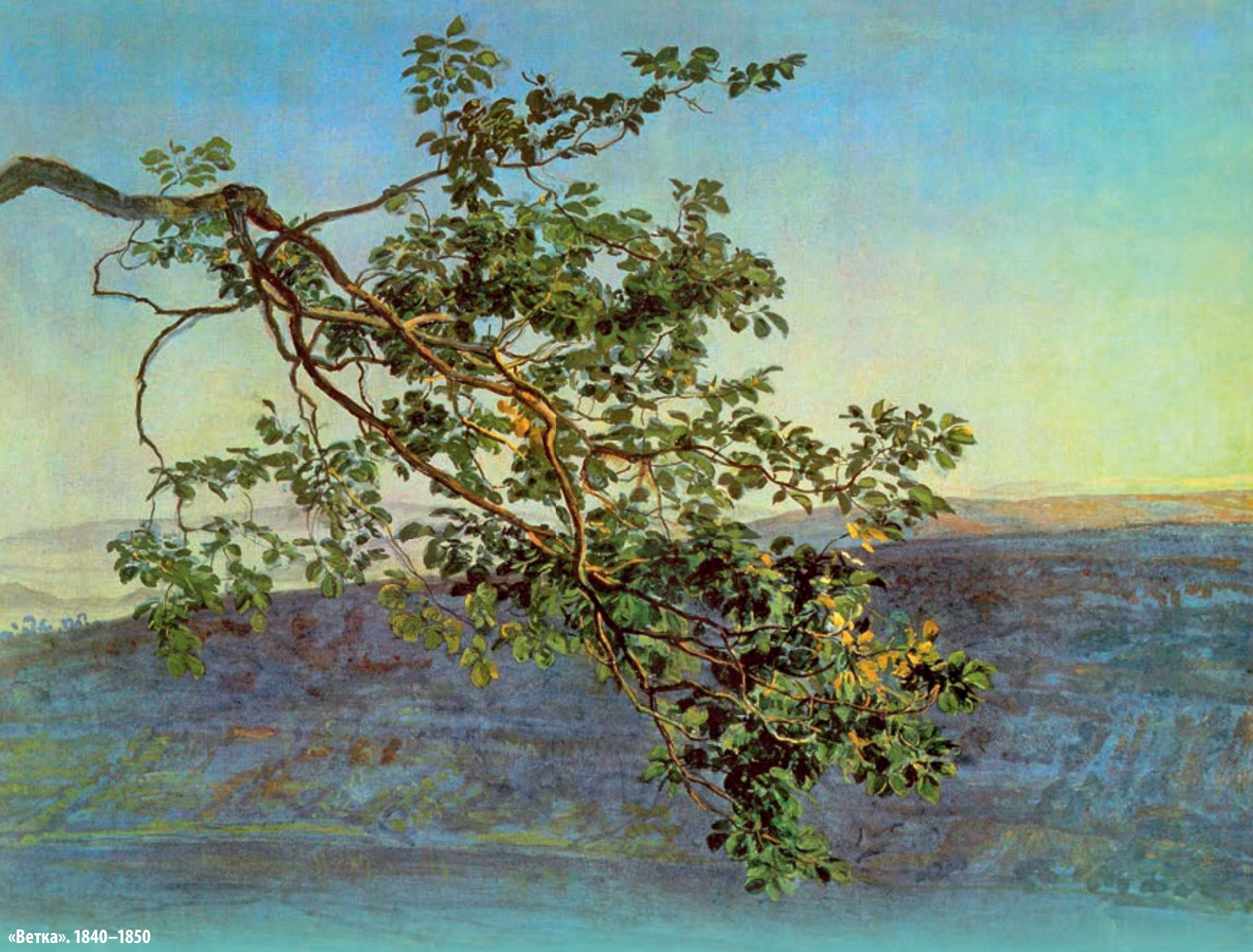
Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роде есть всегда,
Да и в каждом выводе.

Из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»

этому, закрыв последнюю страницу романа Боборыкина, так и хочется воскликнуть: «Где же ты, Тёркин? Нам так не хватает тебя!»

В 1952 году, к десятилетию выхода первых глав легендарной поэмы, Александр Твардовский выпустил брошюру «Как был написан «Василий Тёркин»». Рассказывая историю произведения, ответил на поступившие от читателей вопросы. Один из них звучал так: «Недавно прочитал я роман П.Д. Боборыкина «Василий Тёркин». И, откровенно говоря, почувствовал большое смущение: что общего между его и вашим Василиями Тёркиными? Почему вы выбрали для своего (да и нашего) героя такое имя, за которым уже скрывается определенный тип и который уже описан в нашей русской литературе? Неужели вами руководило соображение родственности этого, уже описанного, типа и созданного вами? Но ведь это оскорбление для бывшего солдата Васи Тёркина!»

Вот как отреагировал Твардовский: «Сознаюсь, что о существовании боборыкинского романа я услышал, когда уже значительная часть «Тёркина» была напечатана, от одного из своих старших литературных друзей. Я достал роман, прочел его без особого интереса и продолжал свою работу. Этому совпадению имени Тёркина с именем боборыкинского героя я не придавал и не придаю никакого значения. Ничего общего между ними абсолютно нет». Тут, конечно, можно и поспорить с выдающимся поэтом, ибо между двумя Тёркиными общее есть. Вероятнее всего, тонкий художник Твардовский в глубине души прекрасно это понимал. Оба Василия — простые люди, живущие по совести. Во время испытаний, выпавших на их долю, не потеряли себя, с мужеством и достоинством прошли через все невзгоды — чтобы строить новую жизнь. Тёркины не сдаются.

«Ветка». 1840–1850

Явление первое

ФОТО: РИА НОВОСТИ

210 лет назад родился Александр Иванов, вошедший в отечественную и мировую историю прежде всего как автор монументальной картины «Явление Христа народу». Мастер потратил на ее создание два десятка лет. Далеко не все знают, что грандиозному полотну предшествовало другое выдающееся произведение, и именно оно принесло Иванову первый громкий успех, а также звание академика.

«Явление Христа Марии Магдалине
после воскресения». 1835

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Ксения Воротынцева

НАЧАЛОСЬ все с судьбоносной поездки в Италию в 1830-м. Существовала практика отправлять наиболее успешных выпускников Академии художеств за границу. Спонсором выступило Общество поощрения художеств, до этого оказавшее поддержку Карлу Брюллову.

Иванову вручили подробные инструкции, согласно коим предписывалось не просто поселиться в Риме, но посетить Флоренцию, Сиену, Пизу и познакомиться поближе с наследием Карраччи в Болонье: ведь именно там была основана первая Академия, ставшая прообразом для творческих институций по всему миру.

Кроме того, Александр Иванов побывал в Венеции. Ему хотелось своими глазами увидеть звенящие краски местных живописцев. Их работы он знал лишь по эстампам. Надо ли говорить, что наш художник был очарован Тицианом, Тинторетто, Веронезе. Навыков, приобретенных в петербургской альма-матер, как ему казалось, не доставало для того, чтобы создать шедевр. Предстояло еще многому научиться.

Иванов приехал в Италию с амбициозной целью — желал доказать: тамошние творцы, снискавшие наивысшую славу в эпоху Возрождения, измельчали. А русские — наоборот, набирают силу и готовы удивить Европу. В обширной переписке с родными и знакомыми Александр Андреевич предстает переживающим за отечественное искусство. Настолько, что выражает возмущение по поводу успехов Федора Бруни (итальянца по происхожде-

нию): мол, почему на иностранца обрушилось столько славы? В другом письме сокрушается: Кипренский, много сделавший для Отечества и для пенсионеров Академии (благодаря ему они получали довольствие в 3000 рублей, а не 600, как раньше), не снискал заслуженных почестей.

Проявилась одна из черт Иванова-человека — излишнее внимание к чужим достижениям и неудачам. Его вечным соперником (и даже своего рода alter ego) стал Карл Брюллов, тоже живший в Риме. Они резко отличались по темпераменту: нелюдимый, робкий Иванов и общительный, яркий «Брюлло». Александр Андреевич стремился превзойти великолепного Карла. Обдумывая «Явление Христа народу» (1836–1857), решил, что не станет изображать ужас и панику, как в «Последнем дне Помпеи» (1830–1833). Хотя прекрасно понимал: внешними эффектами проще зацепить зрителя. Иванова привлекали прежде всего простота и величественность, а первым шагом к работе над хрестоматийным полотном стала картина «Явление Христа Марии Магдалине после воскресения» (1835).

Был выбран известный евангельский сюжет. Мария Магдалина встречает воскресшего Христа, который останавливает ее жестом: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему». Автор стремился передать эмоциональную наполненность момента. Изобразил на прекрасном лице женщины широкую гамму чувств: от покидающего душу горя до вновь обретенной радости. А для этого попросил натурщицу... зарыдать: «Она так была добра, что, припоминая все свои беды и раздробляя на части перед лицом своим лук самый крепкий, плакала, и в ту же минуту я ее тешил и смешил так, что полные слез глаза ее с улыбкой на устах давали мне совершенное понятие о Магдалине, увидевшей Иисуса. Я, однако же, работал в то время не хладнокровно, сердце мое билось сильно при виде прекрасной головы, улыбающейся сквозь слезы».

Кстати, для Магдалины также позировала знаменитая красавица Виттория Кальдони. Ее облик стремились запечатлеть многие, а яркой внешностью восхищались первые умы того времени — один из портретов девушки был отправлен Гёте. Судьба Виттории сложилась печально: она вышла замуж за живописца Григория Лапченко, товарища Иванова. Вскоре супруг начал слепнуть и вместе с итальянкой отбыл в Россию, где, оставив привычное ремесло, с трудом сводил концы с концами.

Трудясь над образом Христа, Александр Андреевич вдохновлялся античными канонами красоты: сказало влияние окружавших его римских древностей, полотно Возрождения и лучших работ современников — в частности, скульптора Бертеля Торвальдсена. Спаситель, вышедший из-под резца этого датчанина, смотрит на зрителя сверху вниз, разведя

руки в стороны — благословляя и словно готовясь принять в объятия. Несколько иначе изобразил фигуру Христа «синьор Алессандро»: Тот мягким жестом отстраняет Магдалину, в то же время Его взгляд полон кротости и любви. Иванов решал и чисто колористические задачи. Жаловался, что написать белое платье, закрывающее большую часть фигуры, нелегко: «Сами великие мастера, кажется, этого избегали. Я по крайней мере во всей Италии не нашел себе примера. Отец истинного колорита Тициан старался белое платье показывать каким-нибудь куском, смешавшимся с платьями других цветов или закрывающим только стыдливые места наготы. Фрески не могут быть примером, ибо там белое платье суть только оттененные рисунки».

Результат, однако, получился блестящим. Картина, представленная римской публике в 1836 году, вызвала восхищение. Затем осторожный Иванов отправил полотно на родину и попросил отца подобрать золотую раму, чтобы показать работу в выгодном свете. Уловки были ни к чему — прием оказался горячим. Общество поощрения художеств преподнесло произведение Николаю I, а Иванову, уже вынашивавшему идею «Явления Христа народу», присвоили звание академика. Это ужаснуло мастера, который вовсе не хотел возвращаться домой и посвящать жизнь преподаванию с риском убить в себе художника. Нет, он должен остаться в Италии, лишь здесь может осуществиться дерзкий замысел — создание такого шедевра, каких у русских живописцев еще не было. Этим объясняются и следующие строчки к отцу: «Как жаль, что меня сделали академиком: мое намерение было никогда никакого не иметь чина, но что делать, отказаться от достоинства — значит, обидеть достойных».

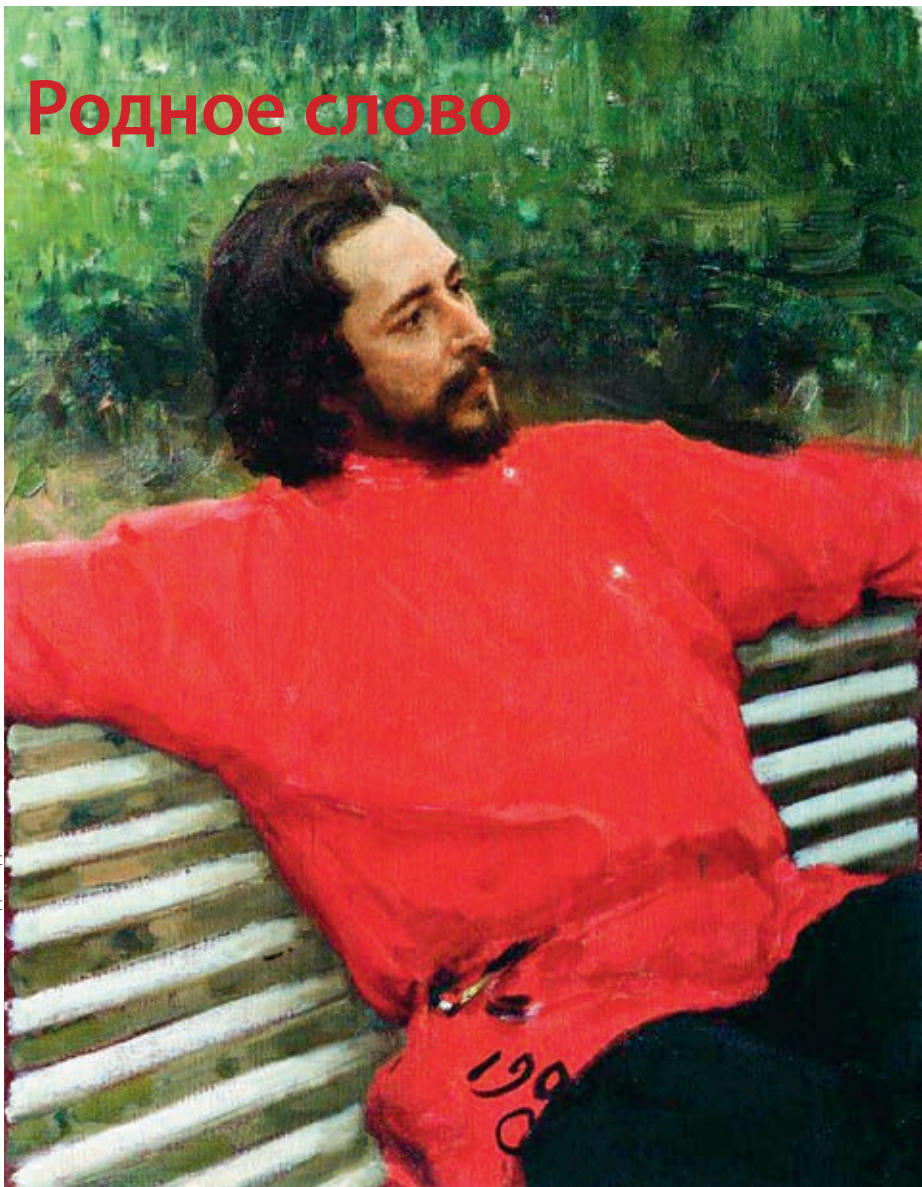
И еще одно письмо: «Кто бы мог думать, чтобы моя картина «Иисус с Магдалиной» производила такой гром? Сколько я ее знаю, она есть начаток понятия о чем-то порядочном. Но как я доволен, что вы радуетесь, что в восхищении и Совет, и президент! Вы говорите, что мне продолжить хотя бы пенсион для картины «Появление Мессии». Это есть единственное мое желание. Помогите, Господи! Как я рад, что Общество мною довольны. Да правда ли это? Я привык видеть только выговоры со стороны моих покровителей».

Фортуна была к Иванову вполне благосклонна: он надолго задержался в Риме и, будучи ярким перфекционистом, множество раз переписывал «Явление Христа народу».

В 1858-м, по-прежнему считая картину незаконченной (у старика в белой повязке на бедрах, изображенного в левом углу, странное отражение в воде — словно на нем красное платье), Александр Андреевич привез полотно в Петербург. Но это уже другая история...

Родное слово

И. РЕПИН. «ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА», 1905

Если долго всматриваться в бездну

Дарья Ефремова

21 августа исполняется 145 лет со дня рождения Леонида Андреева. Некогда, отвернувшись от «рокфора литературы», он предпочел «черный хлеб». «Афишный маэстро», — отзывался о нем Корней Чуковский, искренне восхищавшийся густой краской андреевских гипербола, намалеванных «шваброй на заборе».

ДЕМОНИЧЕСКИЙ красавец, ницшеанец, спиритист, русский Эдгар По... «Он пугает, а мне не страшно», — говорил Лев Толстой, воле-неволей направивший его туда, где «черные зазывания воронки Мальстрёма».

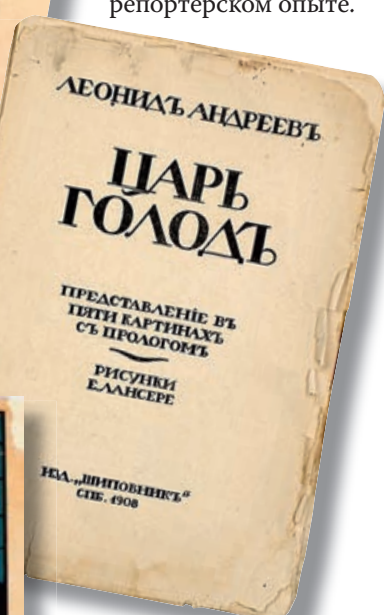
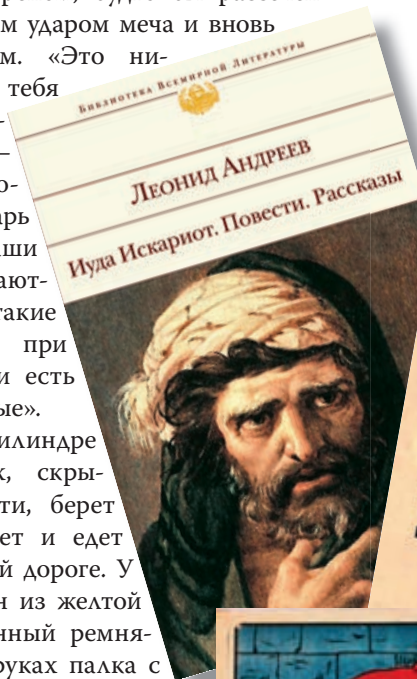
Да как же не страшно-то? За Христом ходит безобразный рыжий и одноглазый Иуда Искариот, с бугроватым черепом, будто бы рассеченным двойным ударом меча и вновь составленным. «Это ничего, что у тебя такое скверное лицо, — утешает апостол и рыбарь Петр, — в наши сети попадают еще и не такие уродины, а при еде-то они и есть самые вкусные».

Тигр в цилиндре и перчатках, скрывающих когти, берет в кассе билет и едет по подземной дороге. У него чемодан из желтой кожи, увязанный ремнями плед, в руках палка с серебряной ручкой, во рту огромная дымящаяся сигара. Едет себе...

Приговоренный к казни молодой террорист томится в одиночке. Ему кажется, что мебель, составлявшая прежде его обстановку, ожила, задвигалась и приобрела над ним неограниченную власть. Стала его судить: шкаф — по-шкафному, стул — по-стульему, диван — по-диванному. Главный герой кричит, мечется, умоляет. Они же что-то лопочут по-своему, между собою, а потом ведут его вешать... Девятнадцатилетней Мусе в соседней камере думается и видится другое: смерти нет, ее просто-напросто не существует. И тут заходят ученые, философы, палачи со всего света. Раскладывают книги, петли, скальпели, топоры. Начинают доказывать,

что человек умирает, причем по-разному. Иногда даже убивается. Она не верит. Тогда вносят гроб с ее разлагающимся телом: «Смотри! Это ты!» — «Нет. Это не я... Я та, с которой вы говорите, как же я могу быть этим?» Мучители ретируются, напутствуя: «Не касайтесь этого места. Это место — свято»...

«Рассказ о семи повешенных», принесший известность «в большой публике», Андреев посвятил Толстому. Лист XIX столетия литераторы уже исписали, его «надо перевернуть или достать другой», — так, то ли всерьез, то ли шутя, мэтр отозвался о первом своем репортерском опыте.

Психо-логически точный, немного сентиментальный, ироничный, «чеховский» рассказ «Баргамот и Гараська» вышел в пасхальном номере «Курьера». Городовой, вынужденный дежурить в Светлое воскресенье, мается, мечтает о разговлении, куличах, яйцах. И о хороших папиросах, которыми его снабжает лавочник, — в страстную субботу приходится довольствоваться теми, что подешевле. А тут еще, спотыкаясь о фонарные столбы, тащится Гараська, пьянчужка, первый скандалист во всей окраине; «и били-то его до

Л. Андреев (крайний слева) среди участников литературного объединения «Среда». 1902

полусмерти, и в части впроголодь держали, а все не могли отучить от ругани, самой обидной и злоязычной»; вот и сейчас «до свету набрался». Финал, где городской вместо того чтобы отволочь хулигана в околоток, приглашает его к себе домой на празднование, сажает за семейный стол, а жена странного гостя не чурается, угощает, называет по батюшке «Герасим Андреевич», впечатлил многих, в том числе и Максима Горького. «Вы поимели в виду этого Леонида! Хорошая у него душа, у черта!» — написал тот одному из издателей. С тех пор популярность этого «юноши, едва переступившего первую ступень возмужалости», росла с необычайной быстротой.

«Руководители «Курьера» нянчились с ним, как с капризным ребенком», — завидовали коллеги. Истинную славу Андрееву принесла экспрессионистская, полная гипербола и картин надвигающегося ужаса проза. Там много чего: тайнозрение «писателя с ободранной кожей», бред Пифии, у которой кружится голова от серных испарений, гойевские капричос, симфонии судьбы Бетховена и Вагнера, Ницше, Ибсен, Кьеркегор, Метерлинк, Бодлер, По и даже возрожденный Паскаль. Но как бы ни были щедры на сравнения критики, успех Андреева предопределили революционные круги.

«Большой шлем», «Валя», «Город», «Жили-были», «Молчание»,

«Рассказ о семи повешенных»: в абсурдистских сценах и экстравагантных сюжетах, в описании чувств приговоренных, почти отеческом любовании их юностью (ни суд, ни тюрьма, ни неминуемое приближение расправы не могли стереть нежного румянца с лиц) многие увидели социальный пафос, политическую позицию — несмотря на то, что писатель разочаровался в революции, толком ею и не очаровываясь. Одно время примыкал к горьковскому кругу, предоставлял свою квартиру для нелегальных заседаний членов РСДРП. Но был не боец, к тому же испытывал отвращение к любого рода насилию. Например, написанная в годы Русско-япон-

ской войны новелла «Красный смех» — как раз об этом.

Трое суток сатанинского грохота и визга, почти сутки без сна и пищи. И опять перед глазами — голубые обои, графин с водой... Внезапно он видит молоденького гонца — вольноопределяющегося, бывшего студента: «Генерал просит удержаться только два часа, а там подойдет подкрепление». Белое лицо гонца, белое, как свет, вдруг взрывается красным пятном — из шеи, на которой только что была голова, хлещет кровь... «Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле».

Его пронзительные, страшные тексты и в самом деле можно было бы считать и социальными, и антимилитаристскими, и протестными, если бы не нашлось у Андреева совсем уж абсурдистских, «плакатных» зарисовок. Взять, к примеру, скетч из «Сатирических миниатюр для сцены»: стоит на высокой скале человек, вот-вот упадет, расшибится, а внизу ради этого случая — митинги, пикники, гулянья, туристы, фотографы, корреспонденты, «кельнер, пива!». И вдруг кто-то в толпе выясняет правду. Оказывается, этот него-

дья привязан к скале и не только не упадет, как все того ожидают, но и не может упасть. «Что такое? Он должен упасть!» — «Полицейский! Полицейский! Необходимо составить протокол». — «Я не могу позволить, чтобы меня обманывали».

Еще есть зарисовка о крестьянине, как тот забит и задавлен: лохматое, дикое существо, сплошь заросшее волосами, гусиные глазки, звериная походка, не то горилла, не то человек, и на лице у него — намордник. «Не нужно снимать намордника, оно, быть может, кушается!»...

«Изо всех созданий современного искусства я особенно люблю афиши. Их идеал: яркость, их художественный принцип: бей по голове! Никаких полутонов, никаких оттенков, — Корней Чуковский, пожалуй, оказался ближе других к «разгадке» Андреева. — Они не знают шепота, они вечно должны кричать. Им нельзя отвести вас в угол и сказать вам на ухо что-нибудь свое, полутайну, полудамек, как это делают порою те картины, что висят у вас на темных обоях... Гении афишного искусства, площадные Рафаэли... сумеют претворить пестроту,

алаяповатость и грубость в новое изящество и красоту... Разве нет у нас Леонида Андреева? Ах, он лихач, молодец, засучил рукава, засвистал, схватил помело и весело, лихо, размашисто, на широчайших каких-то заборах ляпает, мажет, малюет, и как красна у него красная краска, и как черна у него черная краска, и что за огромные буквы проходят через всю афишу: ШОКОЛАД И КАКАО. Нет, не шоколад и какао, а ЦАРЬ ГОЛОД или ЧЕРНЫЕ МАСКИ. Но ведь это, в сущности, все равно. Часто я стою перед заборами, где расклеены создания этой швабры».

Статью про тогда уже весьма знаменитого прозаика и драматурга (пьесы «Царь Голод» и «Анатэма» шли на самых известных столичных подмостках) находили разгромной. Однако «гений площадного искусства» не слишком обиделся: «Насчет дальнейшего не знаю, а что помело — то помело. И даже швабра, это верно. Я очень рад, что Вы так — именно так — поняли вещь (пьесу «Царь Голод»). Я крайне заинтересован взглядом на вещь столь неожиданным и своеобразным. И по существу, кажется, верным».

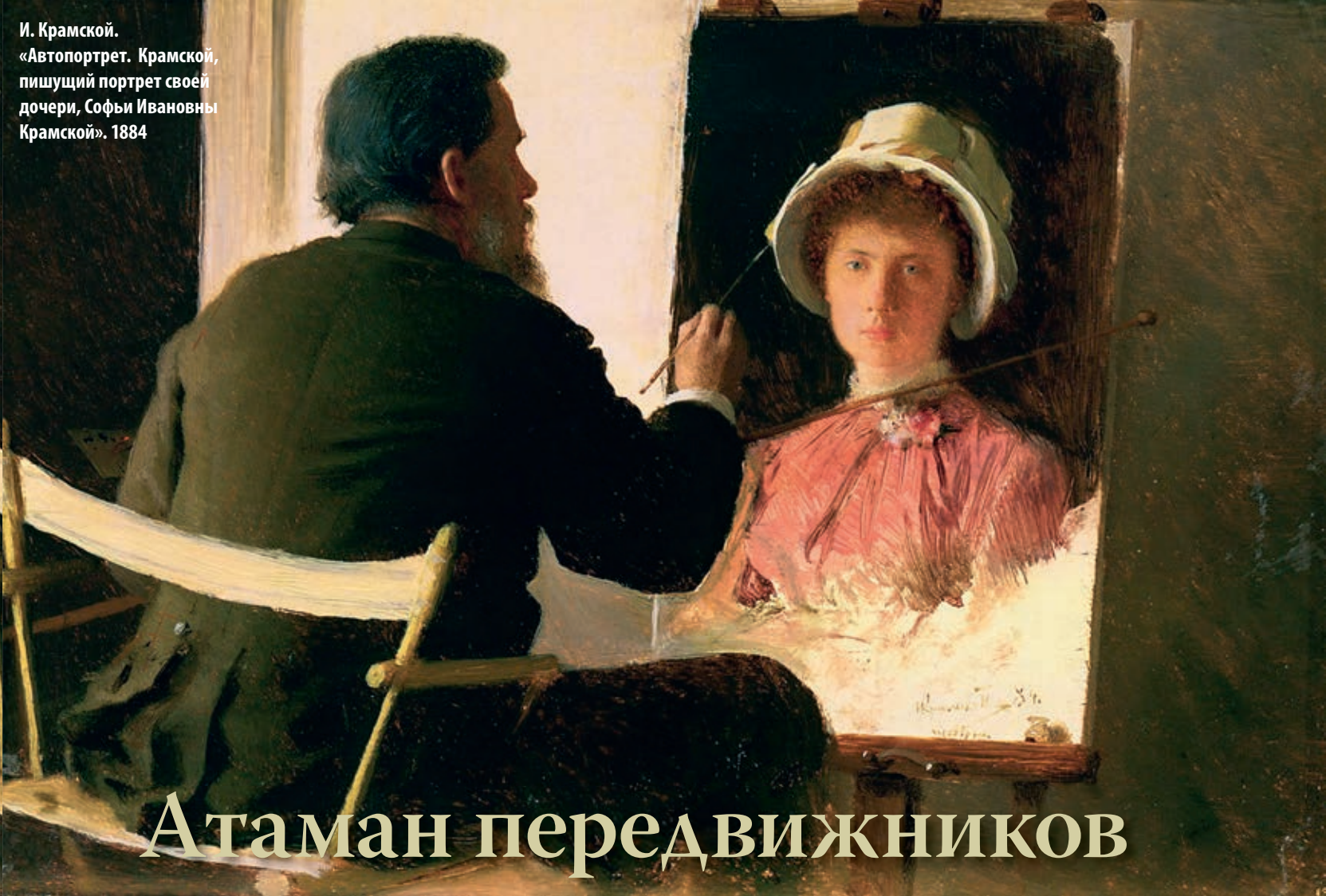
Перекрикивавший бури, каноны, вой трибун, разноголосье уличной толпы и грохот трамваев, сменивший в молодости множество адресов, городов, кругов и гостиных, в зрелые годы Андреев вел уединенную жизнь — в обителище страшно-мрачном. «Огромная комната — угловая, с фонарем, и окна этого фонаря расположены в направлении островов и Финляндии. Подойдешь к окну — и убегают фонари Каменноостровского цепью в мокрую даль. Леонид Андреев, который жил в писателе Леониде Николаевиче, был бесконечно одинок, не признан и всегда обращен лицом в провал черного окна. В такое окно и пришла к нему последняя гостья в черной маске», — написал Блок post mortem.

В рабочем кабинете. 1910

ФОТО: ИТАР-ТАСС

И. Крамской.
«Автопортрет. Крамской,
пишущий портрет своей
дочери, Софьи Ивановны
Крамской». 1884

Атаман передвижников

Владимир Перекрест

В серии «ЖЗЛ» вышла книга «Крамской» — в преддверии 180-летнего юбилея со дня рождения художника. Круглая дата будет отмечаться через год — в июне 2017-го.

О том, чем особо примечательна, привлекательна для биографа фигура Ивана Крамского, рассказал автор новинки, писатель, генерал-майор полиции в отставке Николай КАРТАШОВ.

СВОЙ: *О Крамском вроде бы написано достаточно. Почему именно его Вы выбрали героем очередного исследования?*

Карташов: Действительно, книг об Иване Николаевиче издано немало. Кстати, первая также вышла в серии «ЖЗЛ» — ровно 125 лет назад. Интересен же он мне по целому ряду причин. Во-первых, я сам немного рисую и ценю Крамского как выдающегося портретиста. Во-вторых, он мой земляк, острогожский, тоже из казаков. И, наконец, в-третьих, это неординарнейшая личность, человек, горячо любивший Россию, трудившийся на ее благо и, к сожалению, ушедший, не дожив и до 50 лет.

СВОЙ: *Городок, где родился Крамской, видимо, обладает какой-то особой аурой. Например, известный философ XIX века Николай Станкевич, о ком Вы также написали книгу, оттуда же...*

Карташов: Острогожск в XIX столетии мог дать фору любому губернскому городу. Не случайно в окрестных местах его называли «Воронежскими Афинами». Мыслители, литераторы, художники — такие люди всегда были здесь в почете. Огромную роль играло духовенство. На девять тысяч населения насчитывалось восемь только каменных церквей. Сохранилось упоминание о том, что одну из них расписывал Боровиковский. Правда, имя не указано — знаменитый Владимир, автор «Портрета Лопухиной», или отец его, иконописец Лука.

Каждый год бываю в этом городе, время его словно не коснулось. Сохранился дом, где родился Крамской: мазанка под камышовой крышей, там сейчас музей. Осталась вся обстановка, уцелели личные вещи живописца. Многие здания, кажется, с той поры еще стоят. На прежнем месте находится и закладной камень, у которого произошла историческая встреча Петра Первого и Мазепы в сентябре 1696 года. Гетман подарил нашему государю саблю, инкрустированную драгоценными камнями. А потом, как известно, предал...

В Острогожске после победоносного возвращения из Европы была расквартирована 1-я драгунская дивизия. Служил в ней, к слову, и будущий декабрист Кондратий Рылеев. Офицеры, победившие Наполеона, видевшие иные земли и народы, внесли свежую кровь в местное светское общество. А для подростка Ивана военные стали первыми моделями. Через город проходили полки, направлявшиеся в Крым — воевать с Турцией. В Острогожск в предчувствии заказов приехал популярный харьковский фотограф Яков Данилевский. Будущий художник (к тому времени ему уже стукнуло 16, и пора было подумывать о самостоятельном заработке) устроился к нему помощником. Ибо штатный ретушер, как напишет Крамской в дневнике, «запил, что ворота запер» — то есть наглухо.

Работы хватало. Военные любят фотографироваться — и поодиночке, и с товарищами. В парадных мундирах, при оружии, «со всеми возможными физиономиями», как профессионально подметил Иван в дневнике. Фототехника тогда находилась в зачаточном состоянии, приходилось сидеть перед объективом по двадцать минут, и как ни старались служивые держаться неподвижно, все равно снимки выходили смазанными. Вот тогда и брался за дело ретушер. Красками, тушью, белилами подмазывал, подкрашивал. Выходил вполне приличный портрет. Данилевский был в восторге и, покидая Острогожск, пригласил «Ивана Николаевича» работать вместе. Несколько лет колесили по городам и весям. Но вскоре эта рутинная юноше

Н. Карташов у памятника И. Крамскому

надоела, и он, разругавшись с «шефом», уехал в Санкт-Петербург, чтобы поступить в Академию художеств.

СВОЙ: Крамской был бунтарем по характеру?

Карташов: И да, и нет. Сам себя считал «мягкоструйным». Но заставить его делать то, чего не хотел, было невозможно. Например, Крамского, уже известного мастера, Павел Третьяков уговаривал написать портрет Ивана Тургенева. Художник так и не выполнил просьбу, всегда находил предлог, чтобы уклониться. Насколько я могу судить, исследовав документы, это не случайно: автор «Отцов и детей» гнул западную линию, довольно неуважительно отзываясь о русском народе. Крамской другого воспитания: с детства у казаков на коленях сидел, слушая рассказы стариков о былых сражениях. Да и первые его художественные опыты были батально-патриотического толка: лепил из глины (она там хорошая, в Острогожске) фигурки казаков на конях, с шашками, пиками...

Тем не менее некоторые демократические идеи тогдашнего общества оказались ему близки. Крамской вошел в историю как создатель первой художественной артели, а позже стал одним из организаторов То-

вариществa передвижных художественных выставок. Совместный труд, коммуны — все это было в моде после выхода романа Чернышевского «Что делать?». До того он показал характер, встав во главе «Бунта четырнадцати», когда выпускники академии отказались писать итоговую работу по мотивам скандинавских саг. Молодые люди жаждали реальных сюжетов, хотели быть на гребне общественной мысли. Прошло два года с отмены крепостного права, страна бурлила, а тут — какие-то саги.

СВОЙ: *Пожалуй, самая знаменитая картина Крамского — «Неизвестная». Удалось ли Вам, генералу-правоохранителю, разгадать тайну этой женщины?*

Карташов: Почти (*смеется*). История действительно загадочная. Крамской с юности вел довольно подробные дневники, но ни одного упоминания о том, кто изображен на полотне, обнаружить не удалось. И в письмах тоже. На вопросы либо не отвечал, либо отшучивался. Версий множество. Были и самозван-

ки. Одна дама даже просила назначить ей пенсию, поскольку якобы служила моделью для картины. На мой взгляд, «Неизвестная» — собирательный образ. Исходником стал этюд, хранящийся в одной из

«Неизвестная» — собирательный образ. Хотя есть версия о том, что это «замаскированный» портрет княгини Екатерины Долгоруковой, родившей императору Александру II четверых детей

частных коллекций в Праге. В лице натурщицы, не лишенном «изюминки», есть все же определенная вульгарность. Затем оно было облагорожено. Я пересмотрел портреты женщин, окружавших Крамского, сравнивал их черты, пропорции лица с изображением Неизвестной. Нахожу сходство и с супругой его,

и с дочерью Софьей, тоже художницей. Заслуживает внимания и версия о том, что это «замаскированный» портрет княгини Екатерины Долгоруковой, родившей императору Александру II четверых детей. Конечно, соответствие не явное, однако обращает на себя внимание своеобразная подсказка: у Неизвестной в точности такая же лента на груди и так же вывязана, как и у княгини на одной из фотографий, — это документ. К тому же есть свидетельства о том, что Александр заказал Крамскому портрет своей любимой женщины. Работа продвигалась туго, после смерти императрицы царь обвенчался с Долгоруковой, но вскоре был убит террористами. На престол взошел его сын Александр III (чей портрет Крамской написал ранее). Екатерина вынуждена была уехать из страны, а художник завершил труд так, как посчитал нужным. И не ошибся, создав один из прекраснейших женских образов в мировой живописи. Недаром этот портрет называют еще «Русской Джокондой».

Мемориальный дом-музей
И. Крамского в Острогоске

Великая женщина среди великих мужчин

Элла Матонина, Эдуард Говорушко

М.: У Никитских ворот, 2016. — 480 с.

«Она дала городу Смоленску прекрасный музей, многим экспонатам которого позавидовал бы любой столичный... Она дала Русскому музею прекрасный отдел акварели, где наряду с русскими художниками были представлены и лучшие иностранные мастера. <...>

Сколько музеев сохраняет память о М. К.! <...> А сколько школ было создано или получало нужную поддержку! Наконец — художественное гнездо Талашкино, где М. К. стремилась собрать лучшие силы... Вспомним воодушевляющие спектакли. Вспомним посылки учеников за границу...» — так писал Николай Рерих в статье «Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой».

С аналогичным пиететом об этой феноменальной русской женщине, вынужденно эмигрировавшей в 1919-м и умершей в 1928-м под Парижем, отзывались многие ее современники. Княгиню Тенишеву увлеченно рисовали Илья Репин и Валентин Серов, Михаил Врубель и Константин Коровин. Причем первый, по некоторым сведениям, — восемь раз! Ей был бесконечно благодарен Сергей Дягилев, ибо без помощи Марии Клавдиевны едва ли состоялась бы его яркая творческая судьба. О выдающейся меценатке и просветительнице, по-видимому, в недалеком будущем снимут у нас художественные фильмы, а может быть, сериалы. И в этих кинолентах отразят основные этапы ее сложного жизненного пути, в котором было немало печально-драматических коллизий, но еще больше — поражающих воображение успехов «на всех фронтах». К примеру, на ниве возрождения традиционных национальных промыслов, на попроще народного образования, в деле собирания и последующего дарения российскому обществу бесценных коллекций произведений искусства.

Почему мы в массе своей крайне мало знаем об этой княгине (в 1892 году она вышла замуж за известнейшего промышленника князя Вячеслава Тенишева)? Наверное, потому, что советский период в плане прославления подобных личностей, блиставших в предреволюционную эпоху, оказался принципиально «неподходящим», а в первые «демократические» годы у властей преобладающими были совершенно иные приоритеты. Как бы то ни было, издания, посвященные Марии Тенишевой, периодически в России выходят. Одну из таких книг — в жанре документально-художественного повествования — написали опытные журналисты Элла Матонина и Эдуард Говорушко. На сегодня это если не лучший, то как минимум один из самых достойных историко-биографических трудов, рассказывающих о великолепной русской аристократке.

Герой России

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Людмила Павличенко. 1942

Ворошиловский стрелок

Валерий Бурт

В Великой Отечественной войне участвовали примерно восемьсот тысяч наших соотечественниц: санитарок, летчиц, связисток, медсестер, зенитчиц. Были и снайперы. Самая известная — Людмила Павличенко, уничтожившая более трехсот врагов. В своем суровом деле она превзошла многих мужчин. Например, герой Сталинграда, снайпер Василий Зайцев застрелил 225 немцев и их союзников.

Людмилу иногда спрашивали, как могла она столь хладнокровно сеять смерть. Пусть и среди захватчиков, принесших на нашу землю бездну несчастий, но ведь они тоже люди...

Мстила она не только за родных и близких — за всю поруганную, измученную страну.

В ПРОШЛОМ году на российские экраны вышла кинокартина «Битва за Севастополь», рассказывающая о самых примечательных моментах жизни Людмилы Павличенко. Однако реальная судьба главной героини еще более экспрессивна, еще более драматична и «кинематографична». Официальная биография, охватывающая довоенные годы, впрочем, незамысловата.

Родилась в июле 1916 года в городке Белая Церковь. Отец был офицером НКВД, мать — учительница английского языка. Позже Людмила переехала в Киев. Работала шлифовальщицей на заводе «Арсенал».

Школу снайперов ОСОАВИАХИМа окончила в конце тридцатых. И получила знак «Ворошиловский стрелок». Навыки пригодились несколько лет спустя, когда началась Великая Отечественная. В то время Людмила завершала учебу на истфаке Киевского университета. И только-только начала писать диплом о присоединении Украины к России...

Павличенко в составе 54-го стрелкового полка 25-й Чапаевской стрелковой дивизии воевала в районе Одессы, затем — под Севастополем. За мужество и доблесть была удостоена звания Героя Советского Союза.

Снайпер — особая военная профессия. Надо иметь зоркие глаза, тонкий слух и чуткую интуицию. Спрятаться в укрытии и ждать — на морозе, в жару, под дождем. Слиться с землей, травой. Замереть на долгие часы, чтобы, удучив мгновение, сделать разящий выстрел.

«Когда я пошла воевать, сначала испытывала одну только злость за то, что немцы нарушили нашу мирную жизнь, — вспоминала Павличенко. — Но все, что я увидела потом, породило во мне чувство такой неугасимой ненависти, что ее трудно выразить чем-нибудь иным, кроме как пулей в сердце гитлеровца».

Сердце Людмилы дрожало от гнева. Но внешне она этого не показывала: не горячилась, действовала спокойно, размеренно. Выходя на задание, помнила баллистические таблицы, точно вычисляла расстояние до цели. И раз за разом била без промаха, наводя ужас на немцев.

Они охотились за ней. Однако всякий раз Павличенко ускользала от фашистов, считавших даже, что она заговорена от пуль, давших ей прозвище *Ein schreckliches Weib*, что переводится как «страшная женщина».

Плен для снайпера означал неминуемую смерть: можно было говорить что угодно, однако стрелка выдавал большой синяк на правом плече. Такой след появлялся от постоянных отдач в моменты выстрелов...

Когда она перешла рубеж в триста точных попаданий, одна из центральных газет опубликовала материал под заголовком «Стреляй, как Людмила Павличенко». Фронтовой корреспондент писал: «Мы все учимся у нее, как надо выполнять приказ нашего любимого Народного комиссара обороны товарища Сталина об овладении воинским мастерством. Воин, историк Людмила Павличенко славится как один из самых культурных и образованных бойцов».

Иосиф Уткин посвятил ей стихотворение, где были такие строки:

Улыбка, робкие движенья...

Быть может, нежный цвет лица,

Но переплавил цех сражений

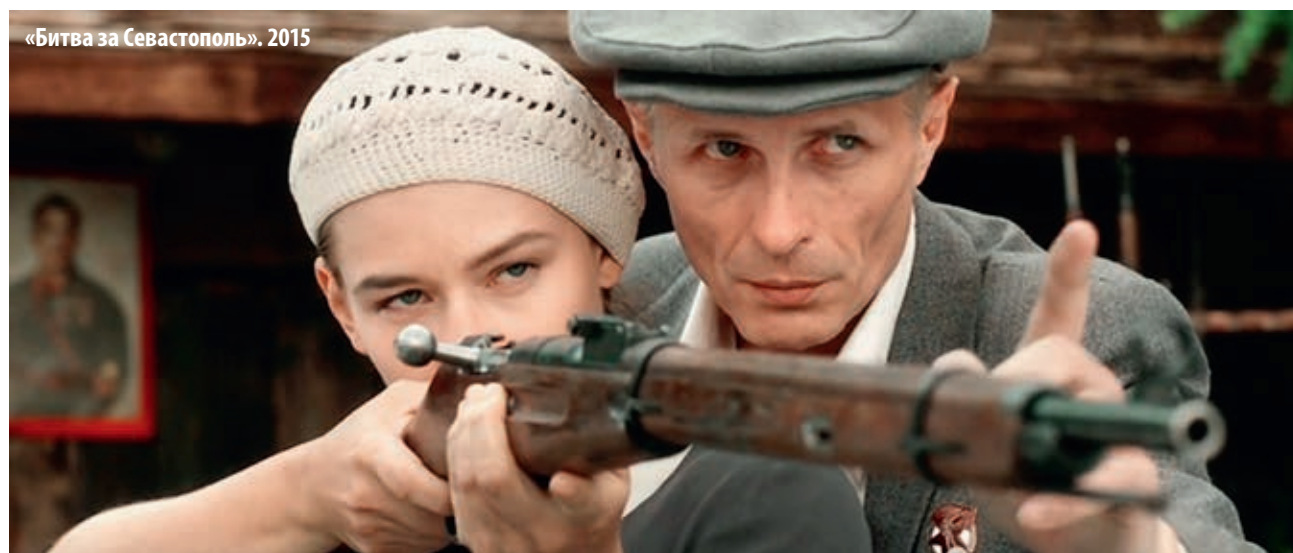
Тебя в сурового бойца. О, сколько надо было крови

Увидеть, зверств и темноты,

Чтоб так вот, прямо и сурово

Взглянуть на жизнь, как смотришь ты...

Встречался ли поэт с Людмилой? Или только представлял ее образ? В любом случае попал в точку: она и впрямь была красивой и женственной. Даже война не стерла прекрасные черты.

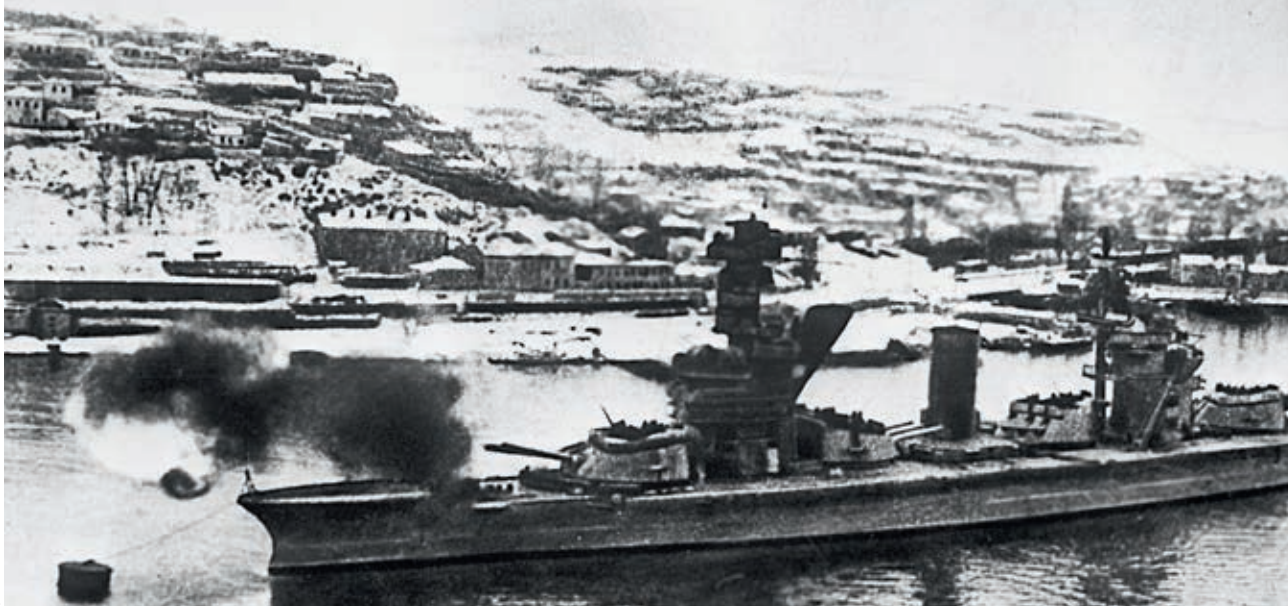

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Когда я проходила по улицам Севастополя, — делилась воспоминаниями героиня, — меня часто останавливали ребяташки и спрашивали: «Сколько вчера убила?» Я обстоятельно докладывала им. Однажды мне пришлось честно сказать, что я уже несколько дней не стреляла по врагам. «Плохо», — в один голос сказали ребяташки. А один, самый маленький, сурово добавил: «Очень плохо. Фашистов надо убивать каждый день».

...В фильме «Битва за Севастополь» есть волнующие кадры: Людмила вышла на поединок с матерым немецким коллегой. Больше суток, выслеживая неприятеля, провела в засаде. В конце концов немец не выдержал — только на миг выглянул из укрытия. Павличенко увидела его в перекрестье прицела винтовки. И тот узрел противника, поразившись, что перед ним — женщина. Лицо гитлеровца исказил ужас, а затем грянул выстрел... Она подошла, закрыла остекленевшие глаза. Достала документы — из них выпала фотография, на которой убитый был запечатлен с женой и детьми. Оказалось, что на его счету — более пятисот военных из разных стран, в том числе солдаты и офицеры Красной армии. Павличенко отомстила за всех...

На войне она снова влюбилась — в своего напарника-снайпера. Это счастье длилось недолго. Алексей Киценко — так звали избранника Людмилы — во время выполнения боевого задания получил ранение. Она вынесла любимого из-под минометного обстрела, но он скончался у нее на руках...

«Трудно тебе понять, как жаль, что нет Лени, — писала она подружке. — Леня спасал меня своей любовью. С какой любовью звучали

его слова: «Люся, потерпи, ты должна быть живой». Ну а вот я его не уберегла...»

В июне сорок второго Людмила тоже была тяжело ранена. Вместе с отступающими советскими войсками ее эвакуировали из Севастополя. Через некоторое время героическая женщина выступила в новом качестве — представляя своей страны за рубежом.

В конце августа советская молодежная делегация отправилась в

С актером Л. Оливье в фильме «Черноморцы». 1942

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Среди рабочих оружейного завода в Ливерпуле. 1942

США. В нее включили двух снайперов — Героя Советского Союза Владимира Пчелинцева и Людмилу Павличенко (через год и она удостоится высокого звания).

Гости из СССР получили аудиенцию у Франклина Делано Рузвельта. Внимание последнего было приковано к бравой молодой даме в звании лейтенанта, с боевыми наградами. Ею заинтересовалась и супруга президента — Элеонора Рузвельт. Женщины подружались, и Людмиле выпала честь жить во время заокеанского турне в Белом доме.

На пресс-конференциях, встречах с гражданами Америки она говорила мало, чаще просто сидела, с любопытством озираясь вокруг. И, конечно, не думала, что войдет в историю. Но так случилось.

Чтобы увидеть Павличенко, собирались толпы. Репортеры досаждали ей необычными вопросами, и оробевшая Людмила порой не сразу находила, что ответить. Но быстро привыкла и стала давать отпор. Как-то у нее поинтересовались: «Можно ли русским женщинам краситься на фронте?» Она сначала растерялась, потом, улыбнувшись, сказала: «Нет правила, которое бы это запрещало. Но кому придет в

Чарли Чаплин опустился перед ней на колени и целовал руки. Вуди Гатри написал в честь гостьи балладу Miss Pavlichenko. Там были такие слова: «Мир полюбил твое милое лицо. Как и я»

голову пудрить нос, когда вокруг война?»

При ее появлении сверкали вспышки фотоаппаратов, суетились журналисты. Людмилу завалили подарками — револьверами, винтовками, шубами, драгоценностями...

В Чикаго Павличенко произнесла великую речь. Заранее не готовилась. Это была импровизация. Зато какая! «Мне двадцать шесть лет, — заговорила она звонким, взволнованным голосом. — Я убила 309 фашистских захватчиков. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?!»

Выступала меньше минуты, но вызвала шквал аплодисментов. Американцы высоко оценили ее

слова, однако Второй фронт союзники открыли только через два года.

Ее почитали не только рядовые американцы, но и знаменитости. В Голливуде Чарли Чаплин опустился перед ней на колени и целовал руки. Певец Вуди Гатри написал в честь гостьи балладу Miss Pavlichenko. Там были такие слова: «Мир полюбил твое милое лицо. Как и я».

На обратном пути советская делегация посетила Великобританию. В Лондоне героиня виделась с Уинстоном Черчиллем и Шарлем де Голлем. Конечно, для нее было почетно встретиться с такими известными политиками. Но мысли Людмилы были далеко — на Родине. В то время на берегах Волги разворачивалось беспримерное Сталинградское сражение. И ей хотелось взять в руки винтовку, чтобы снова и снова бить врагов.

На фронт Павличенко уже не вернулась. Четыре ранения сильно пошатнули ее здоровье. Знаменитого снайпера отправили в тыл. Людмила стала инструктором курсов «Выстрел», готовила молодую смену. Та впоследствии не подвела, однако никто из учеников не достиг вершин мастерства своего наставника.

Стоп-кадр

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Волга-Волга». 1938

В ритме жизни

Николай Ирин

Многим из тех, кто любит «Волгу-Волгу», наверняка памятни слова вступительной песенки: «Вот Бывалов перед вами, / Бюрократ он исполинский. / Играет, играет его артист Ильинский. / Ильинский, Ильинский играет эту роль». При этом сам бюрократ на экране столь выразительно хлопает ресницами, страх в его взгляде так густо замешан на воле к власти, что перестаешь думать об «игре». Нет, здесь не киношные бирюльки, а нечто сущностное. За десять секунд предъявлено огромное пугающее содержание.

ВДАЛЬНЕЙШЕМ Игорю Ильинскому удастся на равных существовать в кадре с обаятельнейшей Любовью Орловой и ее «положительными» партнерами. По воспоминаниям самого артиста, предназначенный ему исходный драматургический материал был беден: «В сценарии роль Бывалова носила несколько бледный и неопределенный характер, но, поговорив с Александровым, я убедился, что на данной основе можно создать интересный сатирический образ, он обещал мне, что роль в согласовании со мной будет дописана и «дожата» уже в процессе съемок. Хотя я и недолюбливал таких «дожатий» на ходу, раздумывать было некогда, я поверил Александрову. И действительно, его обещания не оказались пусты-

ми словами: все, что можно было «дожать», развить и расцветить целесообразно в рамках сценария, было сделано для роли Бывалова».

Мало сказать: «Хорошо играет». Или: «Сатирически заострил, мастерски разоблачил». Недостаточно будет даже поднять мастера до небес заявлением: «Придумал, сделал роль из ничего». Комиков в мире не счесть, однако настолько уверенно тягаться с лирикой, красавицей, великими песнями, изобретательной режиссурой дано немногим. Дело в том, что Ильинский и не комик, и не сатирик. Точнее, больше, чем первый, масштабнее, нежели второй.

Он недаром прошел в 20–30-е школу Всеволода Мейерхольда, внутренне состоявшегося в начале столетия как «дитя символизма». Мейерхольд еще до революции тщательно разрабатывал тему «живого мертвеца».

Как тяжело мертвецу среди людей

Живым и страстным притворяться!

Но надо, надо в общество втираться,

Скрывая для карьеры лязг костей...

Ильинский обучен особому рода технике игры, технологии построения образа. Его Бывалов, да, напоминает про бытовой гротеск, вписан в сатирический контекст, однако происходит, конечно же, из символистского периода. Рискнем посмотреть знакомую картину через призму этого понимания, и она станет совсем уже огромной, нетривиальной, подключенной к по-настоящему высокой культуре.

Все это, кстати, плохо осознавалось уже в 30-е, хотя работа по созданию универсальных смыслов общемирового значения шла у нас полным ходом. Сам Игорь Владимирович с досадой и явной обидой написал в своей итоговой книге: «Фильм «Волга-Волга» не был достаточно высоко оценен нашей кинообщественностью, в среде которой в то время было немало снобов и эстетствующих кинорежиссеров, не понявших и не оценивших положительных качеств фильма, заключающихся главным образом в его подлинной народности и здоровом оптимизме».

Или еще более откровенно: «Что касается меня, то я, будучи не в чести в кинематографических кругах, читал о себе в журнале «Искусство кино», например, такие строки: «Бывалов лишний в картине... Отчасти в этом виновата сама по себе «маска» Ильинского. Ильинский не создал образа. Бывалов не стал одним из «Бываловых». Роль Бывалова — это всего лишь комедийный стержень сценария, объединяющий его эпизоды».

Обо всем этом важно помнить сегодня: обласканного впоследствии властью и правительством, любимого массами артиста откровенно третировали «профессионалы», попросту не понимавшие глубины его поиска, генезиса его творчества.

Что же касается термина «маска», то здесь злобствующий рецензент не ошибается. Знаковая книга

«Кукла с миллионами». 1928

ФОТО: РИА НОВОСТИ

КУЖУРИНСКИЙ. ЭСКИЗ КОСТЮМА ПРИСЫПКИНА ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ «КТОПЬ», 1929

соратника Мейерхольда Бориса Алперса называлась «Театр социальной маски». В самых популярных, будто бы «сатирических» ролях — Бывалова и Огурцова — Ильинский выдает под видом бытописательства именно нетривиальную актерскую технику, которая явилась плодом многолетних исканий русской культуры — от символистов до Станиславского, Вахтангова и Мейерхольда.

Ильинский не просто комический артист, но человек высокой культуры и всестороннего воспитания. Хочется даже сказать — «образцово-показательной выучки». Отец, военный врач, и сам играл любительские роли. Мать всячески приобщала сына и к хорошей ли-

тературе, и к гимнастике. Имя ему выбиралось словно в обещание небывалой судьбы, тогда оно не было популярным, зато считалось модным у интеллигентных, внутренне настроенных на новизну родителей. Игорь Стравинский, Игорь Лотарев — будущий Северянин, Игорь Ильинский.

В доме бывали великие люди, маленьким он видел на расстоянии руки, допустим, Александра Остужева, актерская слава которого не померкнет еще долгие годы: «Мне очень понравился в Малом театре «Дмитрий Самозванец». Помню, я всецело был на его стороне и очень жалел, что его авантюра не удалась. Может быть, это было потому, что его играл дядя Остужев, знакомый и пациент моего отца, мимо ног которого я старался лихо прокатиться на трехколесном велосипеде, как бы невзначай раскатясь в приемную».

Игорь устраивает домашние представления в придуманном им театре «Киу-Сиу». Потом гимназия — всюду атмосфера игры и творчества. А параллельно — футбол, хоккей, каток, теннис, гимнастика.

Ильинский жадно впитывает воздух эпохи, в 1917-м поступает в театральную студию Федора Комиссаржевского. Уже через год дебютирует на профессиональной сцене. Проходит ряд театров, включая оперетту, детский и МХТ, пока не оказывается в 1920-м у Мейерхольда. К которому он навсегда сохранил благодарность, считал его главным своим Учителем.

Ревнивец Брюно в «Великолепном рогоносце» (1922), Аркашка Счастливец в «Лесе» (1924), Присыпкин в «Клопе» (1929) — легендарные роли, многократно описанные в самых восторженных выражениях. Но параллельно развивается феерическая кинокарьеря. Работы в комедиях Юрия Желябужского, Сергея Комарова и особенно Якова Протазанова сделали Ильинского бешено популяр-

ным. Попутно, есть мнение, росло негодование эстетов от кино, одновременно завидовавших, недоумевавших и даже «презиравших».

Заезжие интеллектуальные звезды тоже не баловали оценками. Знаменитый немецкий культуролог Вальтер Беньямин брезгливо замечает: «Очень посредственный русский киноактер Ильинский, беззастенчивый, малоэлегантный подражатель Чаплина, пользуется здесь славой великого комика просто-напросто потому, что фильмы Чаплина так дороги, что их здесь не показывают».

Ориентировался ли он на Чаплина? Наверняка имел в виду его достижения и стремился адаптировать чужую успешную манеру для народившегося отечественного комического экрана. Однако Ильинский производит совершенно другой социально-психологический продукт, о чем написала в свое время советский театровед Нина Велехова: «Ильинский создал тип самой низкой, незначительной, заброшенной психологии, не обладающей никакими общими достоинствами, тип человека, никому не интересного, но втайне страстно желающего изменить свою участь, прорвать сомкнувшуюся над ним поверхность, отделяющую его от большой об-

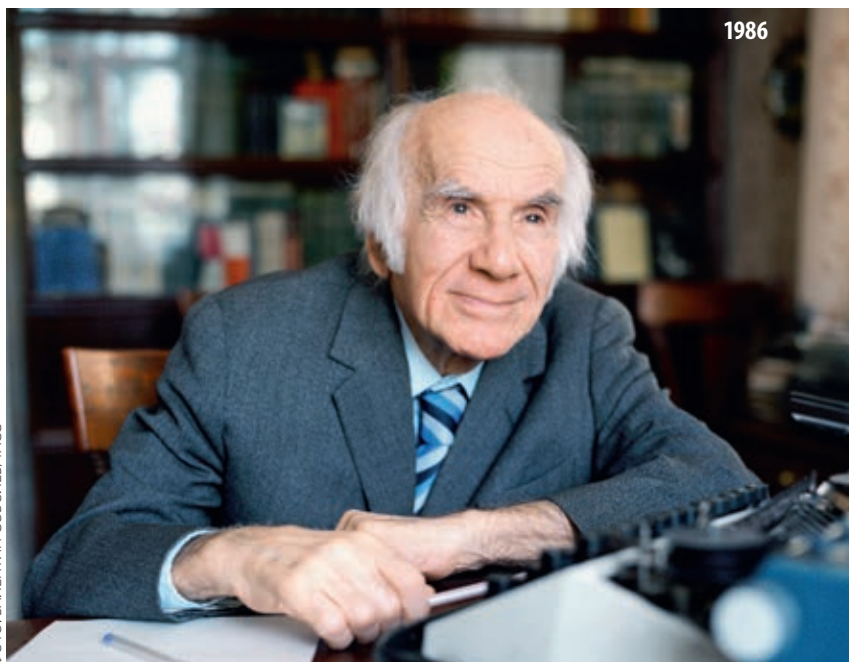
щей жизни. И это единственное человеческое движение в его героях делало в конце концов оправданным интерес актера к им же созданному странному существу. Созданием своего низкого героя и такой амбивалентной оценкой его Ильинский ответил одному из естественных требований демократизации и жизни, и искусства. Он вводил в искусство тех, кто не надеялся быть когда-либо замечен и воспет не только в серьезных, но хотя бы в смешных, «макаронических», пародийных формах... За сыгранными Ильинским ролями стояла чаще всего судьба или история человека, вытолкнутого из мира малого неожиданным космическим толчком в мир больших ритмов и сдвигов».

Персонаж Чаплина все же окультурен, и в любых лохмотьях он европеец, денди, притом психически взрослый. Герой Ильинского — подросток-переросток, человек не города, но деревни, предместья, слободы, неожиданно попавший в «мир больших ритмов и сдвигов», растерявшийся, испугавшийся. Он специфичен именно для нашей страны, внезапно прыгнувшей из аграрной архаики в урбанизацию.

Инфантилизм его персонажей парадоксален. Атлетичный, самоуверенный крепыш показыва-

1986

ФОТО: ВАЛЕНТИН СОБОЛЕВ/ТАСС

ет это через актерскую технику, методично наигрывает, будто бы напрягая-отпуская мышцы. Ильинский, как замечает Велехова, «уходил от прямых совпадений с реальностью», его маска истеричного взрослого ребенка работает поэтому в качестве грандиозной метафоры.

Таков новый массовый советский человек. Сегодня его принято презирать за несоответствие некоему «цивилизационному стандарту», однако внимательное наблюдение за киногероями Ильинского снимает любые вопросы о примитивизме. Человек этот не вполне развит, да, тем не менее технология создания образа, использованная артистом, столь сложна, что не оставляет сомнений и в психологической, и в социальной значительности персонажа, в бесконечности его адаптационных возможностей, в нелинейности душевного пространства.

Со временем, поступив в Малый театр, Ильинский начинает, по его собственным словам, больше интересоваться «внутренним миром человека со всеми его сложностями, с «подглядкой души». «Психологические тонкости увлекали меня больше, — вспоминал актер, — чем чисто внешняя сторона, трюки и забавные штучки, которым я пре-

жде уделял столько внимания. Но это требовало и новой техники. Одного желания и убеждения в необходимости перестройки было недостаточно. То, чего я хотел, далеко не всегда выходило. В свое время недостаточно тренирована была моя «внутренняя техника».

И вот на этом пути появляются у него новые, вечные роли, которые производили на современников, причем даже самых «окультуренных», ошеломляющее впечатление. Таков, например, Аким в спектакле Бориса Равенских «Власть тьмы» (1956) по пьесе Льва Толстого. Даже выдавшие виды «старик» Малого театра, замирая, следили за тем, как Ильинский строит образ крестьянина, предьявляющего высокий нравственный счет злодейскому сыну Никите.

У Толстого Аким охарактеризован как «мужик невзрачный, богобоязненный». Ильинский умудряется присвоить себе простонародную лексику, убирает гротеск и — выдает поразительную наполненность образа. При этом он не вполне забывает и свою прежнюю актерскую технику, мейерхольдовскую биомеханику. Там, где у Толстого нейтральная ремарка, разыгрывает тонкую, углубляющую роль пантомиму, работающую уже «на прямое совпадение с реально-

стью», дающую на выходе завораживающий гиперреализм. Общеизвестный мастер формы удивил подробным анализом внутреннего человеческого мира.

И здесь он работает методично, накапливая детали, обнажая подробности, прибавляя к одному микрофакту другой. Это не просто нутряной талант, но продуманная и прочувствованная художественная система. Ильинский подробно рассуждает об этом в книге: «Чувство ритма дает нам, актерам, возможность согласовывать наши переживания в стройной гармонии с их внешними выражениями. По мнению поэта Андрея Белого, ритм является «естественной напевностью души»... Мне кажется, что можно сказать: ритм — это внутреннее, душевное движение всяческого проявления жизни».

Он был безжалостен к себе. Будучи лауреатом всех мыслимых премий, кавалером всех орденов, писал: «Я хотел бы, чтобы мой Расплюев везде был Расплюевым — и в комические, и в драматические моменты — и нигде не старался ни специально смешить, ни разжалобить зрителя. Пока это в полной мере у меня не выходит».

Вторая жена Ильинского, актриса Малого Татьяна Еремеева, вспоминала, как во время их первой доверительной беседы Игорь Владимирович непрерывно себя ругал. Не сделал то, упустил это, мало заботится о живущей в Прибалтике сестре...

Тот же самый подход, тот же максимализм и в его актерских работах: Ильинский редко оправдывает своих персонажей, почти никогда не «утепляет». Он один из самых безжалостных актеров театра и кино.

Высокая планка, постоянное движение, стремление совпадать с ритмом окружающей жизни, воля согласовывать с ним свое дыхание.

Ильинский слишком много аккумуляировал. Забывание с равнодушием ему не грозят.

Русская Америка

Двести лет вместе

Ирина Маккей, Сан-Франциско

По последним данным, русскоязычная диаспора США насчитывает более трех миллионов человек. Они или их предки прибыли в эту страну в разное время и на различных основаниях. Проживают в населенных пунктах всех 50 штатов. Сан-Франциско в этом ряду занимает особое место: «город на холмах» на тихоокеанском побережье стал воротами для въезда в Америку еще в XIX веке, когда через Дальний Восток сюда потянулись выходцы из Российской империи.

РОМАНТИЧЕСКАЯ и грустная история, рассказывающая о первой попытке проникновения русских в Калифорнию, известна всем, кто знаком с сюжетом рок-оперы «Юнона и Авось». 210 лет назад, в апреле 1806-го, граф Николай Резанов прибыл в порт Сан-Франциско закупать продовольствие для русских поселенцев на Аляске, очаровал молоденькую дочь коменданта местной крепости Кончиту Аргуэлью. Влюбленные обручились, и, сочетайся они законным браком, судьба Калифорнии, возможно, сложилась бы иначе. Но Резанов, чтобы уладить прочие дела, должен был сначала съездить домой. В пути, лежащем через Сибирь, простудился и умер, а его невеста после долгих лет тщетных ожиданий ушла в монастырь.

Портрет графа Н. Резанова

**Русская эскадра
контр-адмирала А. Попова
в гавани Сан-Франциско.
На переднем плане —
бронепалубный корвет
«Рында»**

Небольшие группы наших переселенцев начали обживать Сан-Франциско в середине XIX столетия — вскоре после того, как Калифорния, до этого побывавшая территорией Испании, а затем Мексики, стала частью США. Среди них были не только великороссы, но и украинцы, белорусы, поляки, евреи, латыши и представители многих других народов, населявших империю. Некоторую долю составляли религиозные эмигранты — молокане, баптисты, духоборы и прочие.

Примерно в то же время в черте города возникло православное кладбище, на котором, в частности, были похоронены матросы, умершие от болезней при посещении порта русскими кораблями. Неподалеку селились первые выходцы из России. Позже это место получило название «Русский холм» и стало одним из фешенебельных районов. Кстати, наши мореходы оставили о себе добрую память: в октябре 1863-го матросы корвета «Богатырь» и других русских судов участвовали в тушении крупного пожара в Сан-Франциско, за что командир эскадры контр-адмирал Андрей Попов получил благодарность от городских властей.

Культурная и религиозная жизнь пока многочисленной общины развивалась постепенно. В 1864-м была построена православная церковь. Ее прихожанами наряду с русскими стали сербы и греки. А спустя несколько лет в городе начала выходить первая русскоязычная газета «Свобода». Издателем выступил некий Агапий Гончаренко, уже успевший поработать с Александром Герценом в Лондоне. Тон его статей, направленных против царского правительства, был настолько резким, что издание просуществовало недолго: по просьбе российских дипломатов его закрыли. Несколько других газет, позже издававшихся в Сан-Франциско пусть и небольшими тиражами, помогали новым эмигрантам сохранять идентичность и связи среди соплеменников, повышали уровень грамотности, информировали о законах и правилах быта в США. Видной долгожительницей оказалась со

временем «Русская жизнь» — в текущем году она отмечает 95-летие.

Настоящая волна из России захлестнула США после революции и Гражданской войны. Русскоязычное население Сан-Франциско быстро росло: к середине 1920-х оно уже насчитывало порядка 10 000 человек. Многие из приехавших были хорошо образованными людьми, активно участвовавшими в жизни диаспоры. К этому времени относится открытие Русского клуба, ставшего незаменимым местом общения соотечественников, потерявших родину. Эмигранты создали Театральное общество, Инженерную ассоциацию, Общество ветеранов Первой мировой войны. В 1930-х возникли Русское историческое общество в Америке, Университетский клуб, Союз георгиевских кавалеров, Русско-американская лига... К концу того десятилетия Русский клуб настолько разросся, что возглавлявший его совет директоров принял решение приобрести трехэтажный особняк. Торжественное открытие национального центра состоялось в мае 1940 года. В этом здании он находится и поныне.

Следующий бурный поток наших эмигрантов устремился в Сан-Франциско в конце 1940-х — начале 1950-х. Особенно много среди них было жителей Шанхая и других китайских городов, куда выходцы из России перебрались в конце Гражданской войны. Им пришлось спешно покинуть Китай с приходом там к власти коммунистов. С помощью Международной организации по делам беженцев более 5000 человек были размещены на филиппинском острове Тубабао, где они прожили около трех лет, ожидая разрешения на въезд в другие страны, в том числе и в США. Немало представителей русской послереволюционной эмиграции и их потомков приехало из Европы.

В числе вновь прибывших ступила тогда на американскую землю и юная Ксения, родившаяся и выросшая в Праге. Незадолго до переезда девушка вышла замуж за Святослава Забелина, выпускника русско-сербской гимназии в Белграде. «Каждый из нас, — го-

РУССКАЯ АМЕРИКА

ворит она, — помимо культурных традиций России, привитых в семье, нес в себе еще и воспоминания о той стране, в которой жил прежние годы».

Главным местом встреч служил Русский центр, где устраивались благотворительные балы. Их организаторами были Общество взаимодействия бывших кадет, Общеказачий союз, иные объединения русских американцев. Вторая волна принесла с собой оперных певцов, драматических актеров, поэтов, художников. Все они участвовали в культурной жизни русского Сан-Франциско. Большой популярностью среди детей и подростков пользовалась Национальная организация русских скаутов, возглавляемая князем Василием Романовым, племянником Николая II. Ксения Забелина вспоминает также молодежную культурно-спортивную организацию «Русский сокол», основанную в 1950-м и существовавшую не одно десятилетие. Благодаря ей подростки эмигрантов познакомились, влюблялись, женились. На свет появилось новое поколение американцев русского происхождения. А многие члены «Сокола» продолжают дружить до сих пор.

Мощной объединяющей силой была вера. Полному единству долго мешали разногласия между Православной церковью в Америке, получившей автокефалию от РПЦ, и Русской православной церковью заграницей.

Русский центр в Сан-Франциско

К. Забелина

Кафедральный собор в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость»

Традиционный русский фестиваль. Февраль 2016

Однако в последние годы отношения между ними наладились. В Сан-Франциско действует более десяти православных храмов. В их числе — построенный свыше ста лет назад Кафедральный собор Святой Троицы и Кафедральный собор иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», самый большой православный храм в Западном полушарии, освященный в 1977 году. При нем работает Свято-Кирилло-Мефодиевская гимназия.

Русские эмигранты всегда придавали серьезное значение образованию своих детей, сохранению у них русского языка и национальной самобытности, уважения к культуре и религии отцов. Первая русская школа им. Св. Кирилла и Мефодия открылась еще при церкви — предшественнице большого кафедрального собора. Ее

многолетним директором был энтузиаст русскоязычного образования архимандрит Афанасий (Стуков), который, как говорит Ксения Забелина, «душу вложил в эту школу и поставил ее на ноги». На свои деньги он приобрел автобус — собирал учеников по всему городу перед занятиями и развозил их потом по домам. В 1952-м в школе было 11 классов, в которых учились 145 детей. Она сыграла важную роль в жизни многих из них. Находились и другие доброты, приобщавшие молодое поколение эмигрантов к русской культуре.

Забелина тепло вспоминает Екатерину Бражник-Якубовскую, которая ставила детские спектакли и собственноручно шила для них костюмы. Талантливым танцором и педагогом был Владимир Перфилов. Его группа фольклорного танца с 1963 года с неизменным успехом выступала на всех праздниках в Русском центре. Несколько лет назад на вечере памяти Перфилова собрались многочисленные ученики мастера, теперь уже солидные 60-летние американцы.

Сама Ксения Забелина, помимо преподавания в университете Сан-Франциско, весьма активно работала в Русском центре, входила в его руководство, участвовала в подготовке благотворительных базаров, балов, чаепитий и особенно — ежегодных фестивалей, в чем помогает и до сих пор. Ее сыновья Александр и Михаил, как и многие другие дети эмигрантов, кроме американского учебного заведения, трижды в неделю посещали занятия в школе им. Св. Кирилла и Мефодия. Оба прекрасно говорят по-русски. Четверо внуков в детстве тоже хорошо понимали русскую речь, но потом американское образование ее вытеснило. Однако, поступив в вузы, все они снова взялись изучать язык предков. Один из них ребенком занимался в ансамбле фольклорного танца и ни в коем случае не хотел бросать, утверждал: «Это моя связь с русской культурой». А самый

младший, первокурсник престижного Калифорнийского университета в Беркли, недавно приятно удивил бабушку, мимоходом сообщив: «Среди моих друзей один, как и я, русский». Юноша, чьи не только родители, но дедушки-бабушки появились на свет вне России, тем не менее считает себя русским.

Немало представителей диаспоры, несмотря на языковые трудности, добились профессионального успеха в различных сферах. Например, Александр Понятов основал компанию АМРЕХ и в 1956 году представил первый в мире видеоманитофон. Преподаватель Московской консерватории Дмитрий Авраменко, ученик Сергея Прокофьева, стал руководителем ансамбля в Сан-Франциско. В городе существовало издательство «Глобус» Владимира Азара, выпускавшее литературу на русском языке. Почти 50 лет проработал книжный магазин «Знание», принадлежавший семье Сапелкиных. Следующая генерация была еще успешнее — в большинстве своем получила высшее образование, из нее вышли профессора университетов, журналисты, юристы, врачи. Скажем, Михаил Забелин приобрел международную известность как врач-хиропрактик, усовершенствовавший аппарат для выявления нарушений состояния позвоночника.

Хотя теперешние старожилы считают, что золотые дни Русского центра миновали, с этим согласятся не все. Во всяком случае на ежегодный трехдневный Фестиваль русской культуры в феврале можно попасть, лишь отстояв приличную очередь, — такой популярностью пользуется программа праздника, который с одинаковым удовольствием посещают представители всех поколений эмиграции, да и многие американцы. Но и в будние дни здание центра не пустует. Здесь проходят выставки художников и литературные вечера, располагаются балетная школа и фольклорная танцевальная студия, работают группы изучения русского языка и детский сад «Теремок», открыт спортивный зал. Тут же находится офис Конгресса русских американцев и редакция газеты «Русская жизнь». Часть помещений занимают Музей русской культуры и библиотека.

Сан-Франциско не зря называют «городом на холмах» — не заметить их невозможно: улицы то круто взмывают вверх, то вдруг устремляются вниз, чтобы совершить вскоре очередной подъем. Так и русская диаспора живет в этом городе, преодолевая трудности и невзгоды, став его частью, но при этом бережно сохраняя язык и культурные традиции предков.

Страна мастеров

Горшки не боги обжигают

Тамара Церетели, Рязанская область

Здесь делают знаменитую скопинскую керамику. И устраивают Международный фестиваль гончаров. Очередной — шестой по счету — пройдет 17–21 августа. Лепкой в городке «балуются» вот уже почти четыреста лет — благо вокруг полно залежей глины. Однако известность промысел завоевал лишь к концу XIX века, когда изделиям придали оригинальные, причудливые формы. До этого мастера дальше горшков не шли, за что и были прозваны «горшкошлепами».

Пирамида по-скопински

Всероссийскую славу Скопин получил и помимо керамики. Правда, не самого хорошего свойства — в 1860-х годах здесь возвели первую в стране финансовую пирамиду. Почти двадцать лет директору местного банка Ивану Рыкову удавалось дурить головы вкладчикам со всей огромной империи. Предшественник Сергея Мавроди обещал семь процентов годовых против обычных в то время трех-четыре. В итоге Рыковым со товарищи было расхищено около 13 миллионов рублей — астрономическая по тем временам сумма.

В начале 1880-х пирамида, как водится, рухнула. Вкладчики оказались с носом, Рыков — на скамье подсудимых. Громкое судебное разбирательство произошло в Москве. Репортажи из зала суда публиковали все уважающие себя издания. В том числе «Петербургская газета», пославшая в Первопрестольную молодого корреспондента Антона Чехова. Тот в свойственной ему манере рапортовал: «Эксперты изучили скопинское дело «насквозь», но говорят такую тарабарщину, что дамочка делается дурно. Из 500 человек публики экспертов понимает разве только одна пятисотая часть, да и то по теории вероятностей».

Не будь «дела Рыкова», не вспомнил бы о Скопине и Салтыков-Щедрин. А описал он место скандальных событий так, что скопинцам, наверное, до сих пор обидно: «Город не город, село не село... Жителей — десять тысяч. И в том числе две тысячи кредиторов. Со всех концов России слепые да хромые собрались, поселились в слободке, чтоб поближе к процентам жить, и уповают».

Уповали, кстати, одни «понаехавшие». Местные денег в банке не держали (у них не особо-то и брали — слишком много знали они о здешних порядках) и надеялись только на себя. Во второй половине XIX века в Скопине имелось около трех десятков небольших заводов — мыловаренных, кожевенных, крахмальных, чугунолитейных, свечных, колокольных... Но основную роль в промышленности играла добыча каменного угля, тоже принесшая некоторую известность. Шахты в окрестностях работали и в советское время. Теперь пустуют. Трудовая жизнь теплится лишь в одной. Да и то потому, что в ней открыт музей истории шахтеров.

«Синюшки» против глянца

У керамики тоже мог появиться необычный музей. Лет десять назад здесь копали траншею для водопровода и наткнулись на четыре старинных гончарных горна. «Там ничего не надо было делать, просто накрыть стеклянным куполом — и экспозиция гото-

ва. Где-нибудь в Японии такой возможности не упустили бы. А у нас быстро провели трубы и закопали обратно», — кипит Татьяна Лощина, народный художник России, директор скопинского Центра народных художественных промыслов и ремесел. Чудесным образом те «археологические закопки» совпали со Вторым международным фестивалем гончаров.

Именно в таких горнах местные керамисты обжигали когда-то горшки. В XIX веке в Скопине насчитывалось около сорока небольших мастерских, в основном семейных. В них трудилось порядка 200 000 гончаров, выпускавших матово-черные изделия. Стоили они гроши, на ремесле было не заработать, разве что свести концы с концами. К тому же в России уже повсю применяли глазурь, а скопинцы все сидели со своими горшками-«синюшками».

«Глянец» в эти места все-таки пришел — благодаря гончару Федору Оводову. Тот отправился в более продвинутый Липецк, где и выведал секрет приготовления глазури. После чего бежал в родной Скопин и наладил весь процесс. Методику у

Овдова переняли другие умельцы, и вскоре здешний промысел стал почти исключительно глазурованным.

Одной глазурью дело не ограничилось. Во второй половине XIX столетия зародилась классика — незатейливая посуда уступила место фигурной керамике. Вместо горшков начали делать сосуды в виде львов, рыб, фантастических животных и, конечно, скопы — птицы, от которой, по легенде, произошло название города. Что побудило совершить «керамическую революцию», неизвестно, но изобретенный в этих краях пластический язык оказался уникальным. Отныне скопинское гончарство будет ассоциироваться с замысловатыми формами и бурной фантазией.

Вот только благородные в своей простоте «синюшки» сегодня уже не встретишь. В крупных музеях страны — Русском, Этнографическом, Историческом — собран более поздний, «хрестоматийный» Скопин. Но и «черная керамика» не забыта: некоторые художники пытаются ее воссоздать. Например, Татьяна Половинкина и Александр Воеводкин по старой традиции держат семейную мастерскую. В ней среди прочего реконструируют «доглазурный период» промысла. Коммерческим успехом «синюшки» не пользуются, нынче в фаворе другие техники. Тем не менее архаичные формы и полузабытая посуда — кринки, плошки, кашники — вновь начали волновать граждан.

Керамика с большой дороги

Кухонной утварью многие мастера и зарабатывают. Затейливыми произведениями, прославившими эти места, не прокормишься: для рядового покупателя слишком дорого, а коллекционеры Скопиним мало интересуются — им «раскрученные» промыслы подавай. «Вот Гжель все знают, потому что рядом с Мо-

сковой. А до нас пока доедешь... — вздыхает Татьяна Лощинина.

В чем-то городок на Рязанщине оказался впереди планеты всей, вернее — страны. Именно отсюда, уверяют местные, пошла мода на торговлю вдоль трасс изделиями из глины. «Это сумасшествие началось со Скопина, — рассказывает Лощинина. — Приходили предприимчивые люди, покупали бракованную посуду, выходили на дорогу, ставили на обочину, и пошло-поехало. Теперь уже непонятно что продают — украинскую, тамбовскую керамику... Да и не керамику вовсе — всякие садовые фигуры, грибы с глазами... Торговцы, которые там с самого начала стояли, уже построили себе особняки».

Глазастые грибы продаются на трассе и поныне. «Дорожники», как называют тут «коммерсантов», — почти притча во языцех. «Такой бизнес сделали, столько миллионов заработали! — восклицает Алексей Нисифоров, заместитель генерального директора фабрики «Скопинская художественная керамика». — Зато когда у них спрашивают, как проехать к нам, отвечают: «Там ничего не осталось — сдохло предприятие!»

Прилепин и шамот

«Дорожники», конечно, клеветают — фабрика хоть и не процветает, но и умирать не собирается. Открытая в 1969 году на базе художественной артели, она все так же выпускает керамику. Правда, упор делает не на фигурных сосудах, а на горшках — цветочных. Производство неумолимо возвращается к истокам — к простоте, скатывающейся в простоватость. Даже раскрашенные ежики представлены: садовая скульптура здесь одно из основных направлений. «Это для того, чтобы хоть какие-то деньги были, — комментирует Татьяна Голованова, народный художник РФ, в недавнем прошлом

главный художник фабрики. — Авторская керамика музейного уровня никому не нужна. Раньше изделия с выставки сразу же раскупались, а теперь отнесешь десять сосудов, столько же и вернут. Да еще и перебьют половину. Вот и переходим на массовое производство. Тут такая дилемма: хочешь — бей себя в грудь, храни традицию и сиди голодным. Нужна зарплата — работай с оглядкой на покупателя».

«У нас ведь качество какое! — отстаивает честь предприятия Нисифоров. — Если парковая скульптура, то из шамота. Обжигаем при 1200 градусах. Вон у моей тещи на даче лет десять стоит фигура — ничего с ней не происходит. А продукцию, что привозят к нам на трассу украинцы, из гипса прямо во дворах лепят. Даже не обжигают, просто раскрашивают. Такое и сезон на улице не простоит — развалится».

Однако качество фабрику не спасает. Прибыли тут давно не видели, дай Бог, если в ноль выходят. «Сегодня почти все промыслы на коленях стоят, тем более наш, со столь значительными энергозатратами. На один только обжиг сколько электричества уходит! — сетует Нисифоров. — Раньше оно копейки стоило, теперь же цены — просто сумасшествие. А ты как хочешь, так и сохраняй производство. Даже крышу не можем починить...» Крыша и вправду течет. Перед дверью заместителя гендиректора стоит таз, куда монотонно капает сверху. В самом кабинете — два торжественных портрета: президента Путина и Захара Прилепина.

— Да это же племянник мой, — видя мою растерянность, объясняет Нисифоров.

— Кто?!

— Да Захар! Он ведь из наших мест.

Следствие ведут гончары

Дядя Прилепина, кстати, много лет проработал в милиции, был заместителем начальника. Пока тот самый начальник вместе с братом-бизнесменом не купили загибающуюся «Скопинскую художественную керамику». «Прежний директор лет пять не мог продать предприятие, — вспоминает Нисифоров. — Приезжали потенциальные покупатели, смотрели: дело убыточное, не заработать — и ехали прочь. А в городе все обсуждали: «О, «Керамика» продается!» Фабрика-то известная. Таких, как у нас, художников ведь нигде нет. Еще Ельцину дарили напольный замок, сделанный нашими мастерами. Я сам, когда в органах работал, постоянно возил в ОВД керамических двуглавых орлов с часами. А что еще из Скопина эксклюзивного привезешь...»

Орлы о двух головах — до сих пор самое ходовое среди презентов. И Виталию Мутко преподносили,

и, кажется, всем полицейским чинам. «Сейчас делаем часы для МВД — у них будет Всероссийский фестиваль музыкального творчества «Щит и лира», — с гордостью говорит заместитель гендиректора. В кабинете у него тоже висят — с надписью «Уголовный розыск — 80 лет».

В былые времена на «Скопинской керамике» работало до 250 человек. Теперь — меньше ста. Молодые если и приходят, то не задерживаются: слишком много ручного труда, да и зарплата низкая — 10–12 тысяч. Как уверяют на фабрике, это средняя получка в городе, где приказал долго жить целый ряд производств.

Не углем, так глиной

Пока предприятие меняло владельцев, гончары стали опасаться за скопинскую керамику. «Как можно государственный промысел отдавать в частные руки? — спрашивает Татьяна Половинкина, ушедшая когда-то в собственную мастерскую. — Мы ведь все — ученики этой фабрики. А кто будет после нас?»

«Положим, завтра «Керамику» перепродадут, и новый хозяин решит делать там кирпичи — тогда на ней можно ставить точку», — настроена на ту же волну Татьяна Лощинина.

Итогом беспокойств и пересудов стал поход к мэру Скопина с просьбой создать профессиональный центр. К тому времени уже было проведено пять международных фестивалей гончаров. Даже открыли музей гончарства — в заброшенном купеческом доме XIX века. Тогдашний глава города, смекнув, что керамика — отличный туристический «конек», смог добыть деньги в Минэкономразвития. Там как раз формировали программу поддержки предпринимательства в сфере народных промыслов — Скопин идеально в нее вписался. В результате год назад в том же купеческом доме создали Центр художественных промыслов и ремесел — с новейшим оборудованием, японскими гончарными станками, печами для обжига. А также мастерскими кружевоплетения, лозоплетения, ткачества, вышивки, вязания, лоскутного шитья...

Если откровенно, этот «фасад» плохо гармонирует с общескопинской разрухой: разбитыми дорогами, гостиницей-катастрофой и протекающей крышей знаменитой керамической фабрики.

И все же люди, которые смотрят в будущее с оптимизмом, в городе явно не перевелись: «Таких условий для работы, как у нас, наверное, больше нигде нет, — полагает директор Центра промыслов и ремесел Татьяна Лощинина. — Может, придет день и ради нашего Скопина кто-то даже поменяет место жительства».

Забавы молодецкие

Всадником ходи!

Дмитрий Тихонов

Несколько лет назад довелось наблюдать, как соседи во дворе сражались в непонятную на тот момент игру. На обычной шахматной доске стояли необычного вида «шашки» — небольшие восьмигранные предметы с причудливыми рисунками на гранях. Один из игравших соорудил из четырех фигур башню и стал двигать конструкцией так, как если бы это был шахматный конь, то есть буквой «Г». «Что за правила такие странные?» — возник закономерный вопрос.

ОКАЗАЛОСЬ, что резались соседи в русские шахматы. В древности игра называлась (впрочем, и сейчас называется) «тавреями». По мнению некоторых ученых, тавре — ровесник индийских шахмат, а может, и постарше. И даже будто бы есть этому факту научные подтверждения. Когда проводились раскопки в этрусских могильниках, скифских курганах Приазовья и балтийских варяжских захоронениях, археологи обнаружили костяные и каменные кружочки с загадочными знаками на ребрах, галечник разного цвета и большие плоские камни с рисунком в клетку. Затем таврели нашли в более поздних раскопках — на Черниговщине, в Новгородских землях, Рязани. Упоминаются они в былинах о Садко и Владимире Красном Солнышке. Все это говорит о том, что в IX–X веках на Руси

пользовалась популярностью интеллектуальная игра с четко определенными правилами.

Ученые считают: таврели исчезли из-за того, что были объявлены языческой забавой. И долгое время у нас вообще не существовало никаких шахмат. Индийские появились лишь в XVIII столетии, когда Петр I привез их из Европы. А свои в России основательно забыли...

Вновь вспомнили о таврелях только в 1990-е, тогда же разработали и запатентовали современные правила.

Двадцать лет назад государственная комиссия по подготовке празднования 850-летия основания Москвы приняла проект возрождения русских шахмат. В 1997 году были созданы федерации этой игры. Крупнейшую из них возглавил предводитель московского дворянства Владимир Ивановский, а одним из вице-президентов стал двенадцатый чемпион мира Анатолий Карпов.

Отличий от классических индийских шахмат немного, однако они весьма существенно влияют на стратегию и тактику игры.

Названия фигур отчасти напоминают всем известные: волхв — король, князь — ферзь, ратоборец — ладья, лучник — слон, всадник — конь, ратник — пешка. Новая фигура — хелги — это ратник, стоявший в начале партии перед волхвом и достигший в ходе игры последней горизонтали противника. Хелги — самый сильный воин, поскольку сочетает в себе возможности князя и всадника.

В таврелях фигура не уничтожается, а берется в плен: на нее сверху водружается «боевая единица» противника. При желании пленных можно освободить. Также допускается ставить друг на друга собственные фигуры, тогда получаются боевые башни, которые действуют как своеобразный десант. Есть еще одно любопытное правило: волхв может наступить на свою фигуру и потом с нее соскочить. В классических шахматах такое невозможно, «соратники» нередко мешают движению друг друга по доске.

По мнению Анатолия Карпова, таврели значительно сложнее обычных шахмат, а следовательно, интереснее. Это более вариативная и динамичная игра.

Ее теории пока не создано, поэтому здесь все зависит от интеллекта играющих, а не от знания выученных наизубок ходов и партий. Русские шахматы позволяют

очень быстро проявить свои способности, перворазрядник порой обыгрывает гроссмейстера по классическим шахматам.

Был случай, когда человек, совершенно не зная особенностей игры, записался участвовать в чемпионате за считанные дни до его начала. Все это время учился играть, а на турнире занял высокое пятое место.

Таврели требуют гибкого ума. Молодость тут даже более предпочтительна. Недаром считается, что это игра молодых. На одном из первенств 14-летний подросток стал победителем среди мужчин, превзойдя гроссмейстеров.

Интерес россиян к некогда забытой и заново обретенной игре растет. За 20 лет проведено более двух десятков чемпионатов страны среди мужчин и женщин, несколько международных соревнований, в том числе детских, показательный турнир для участников Всемирных юношеских игр в Москве, международный гроссмейстерский турнир. Прошли первенства России среди школьников.

Открыты детские школы в Москве, Смоленске, Туле. Создан Всероссийский методический центр. Наиболее развиты русские шахматы в столице, Смоленске, Рязани. Действуют региональные отделения в Санкт-Петербурге, Ярославле, Красноярске и других городах. Играть в таврели учат в I Московском кадетском корпусе и столичной школе №271.

Уже почти во всех странах Европы есть по несколько человек, играющих в русские шахматы. Больше всего таких, естественно, в бывших республиках СССР: Молдавии, Грузии, Литве, Белоруссии, Украине. Школы этой игры открылись в Баку и Таллине. Понемногу постигают премудрости таврелей в Швеции, Германии, Голландии, а в Чехии даже образовано отделение Федерации русских шахмат.

На семи холмах

Дом, где живет гений места

Ольга Березина

«Государственный музей — гуманитарный центр «Преодоление» имени Н.А. Островского» находится в одном из известнейших московских зданий по адресу: улица Тверская, 14. Судьба этого дома, связанная с именами многих выдающихся людей, удивительна. Она органично соединила в себе дух и события самых разных, в том числе антагонистических, эпох. Музейные экспозиции рассказывают о достоянии прошлого старинного особняка, важнейших вехах истории Отечества, а вместе с тем — о наших современниках, тех, кто по примеру героя советских времен Николая Островского стойко преодолевает страшные недуги.

ЭТОТ некогда великолепный дворец был построен в конце XVIII века по проекту Матвея Казакова для Екатерины Козицкой, вдовы статс-секретаря императрицы Екатерины II. Следующим владельцем стал один из образованнейших людей того времени, дипломат, князь Александр Белосельский-Белозерский, за внешнюю привлекательность и любовь к искусству прозванный современниками «московским Аполлоном». Одна из дочерей князя, Зинаида Волконская, поселилась здесь в 1824 году. Блестящая свет-

ская красавица, дружившая с Александром I, была умна, великолепно образованна, обладала многими талантами. Играла в любительских спектаклях, замечательно пела, писала музыку, стихи и прозу. В 1827-м Пушкин преподнес ей экземпляр своей поэмы «Цыганы», сопроводив подарок стихотворным посланием:

*Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновенный,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.*

Устав от суетной светской жизни Петербурга, княгиня окружила себя в Москве людьми творческими и прогрессивными. Литературно-музыкальный салон Волконской был очень популярен, помимо Пушкина его охотно посещали Петр Вяземский, Евгений Баратынский, Антон Дельвиг, Дмитрий Веневитинов, Владимир Одоевский, Василий Жуковский, Михаил Загоскин, Михаил Погодин, Каролина Павлова, польский поэт Адам Мицкевич, композиторы Александр Алябьев и Алексей Верстовский. Там не было места карточной игре и сплетням, регулярно устраивались чтения, концерты и спектакли.

Вяземский вспоминал: «Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли».

26 декабря 1826 года Зинаида Александровна устроила прощальный вечер для своей невестки Марии Волконской, уезжавшей в Сибирь к супругу, декабристу. Это событие вошло в историю и литературу, описано в воспоминаниях самой Марии Николаевны, а также в поэме Некрасова «Русские женщины». Присутствовал на том вечере и Пушкин.

В 1829-м салон прекратил существование: Зинаида Волконская, принявшая католичество, навсегда переехала в Италию.

В дальнейшем особняк не раз перестраивался. Зал, в котором хозяйка радушно встречала главных знаменитостей первой половины XIX века, увы, не сохранился. Сегодня в музее создана экспозиция «Салон княгини Зинаиды Волконской, или «Театр эпохи аристократов». Реплика интерьера конца XVIII — начала XIX столетия в значительной мере воссоздает дух золотого века русской культуры. (Авторы концепции — Тарас Поляков и Наталья Сосновская, проект подготовил Александр Шапин, скульптурное оформление — Ольга Марьяновская.) В экспозицию включены подлинные произведения декоративно-прикладного искусства, мебель, книги с автографами Зинаиды Волконской и ее современников.

Портрет З. Волконской.
Гравюра М. Майера по акварели К. Брюллова. 1830

В середине XIX века в здании на Тверской началась совсем иная жизнь. На смену аристократии пришли представители молодой российской буржуазии — деловые люди, новоиспеченные «крезды». Многие из них выдвинулись из крепостных крестьян. Свое законное место в истории дворца заняла купеческая Россия. В 1860-е здесь находился пансион Эдуарда Репмана, в котором учились дети богатых россиян. Среди этих питомцев был, к примеру, Алексей Бахрушин, ставший впоследствии авторитетным коллекционером, создателем театрального музея. По его воспоминаниям, педагогическая чопорность пансиона смешивалась с задорным детским весельем: маленькие обитатели резвились вокруг обломков бывшего аристократического салона. Другой ученик Репмана, член Императорского московского археологического общества Эмилий Готье-Дюфайе, запечатлел Москву начала XX столетия на своих многочисленных фотографиях.

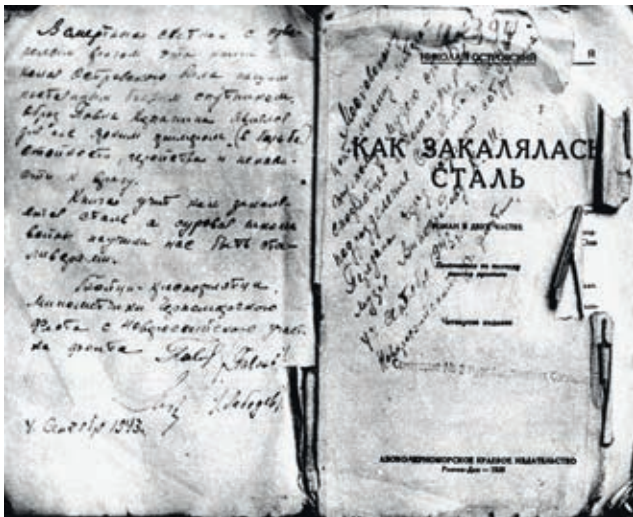
Впоследствии домом владели богатейшие купеческие семьи: Носовы, Ланины, Морозовы. А в 1898-м его приобрел Григорий Елисеев. Он основательно переделал здание, приспособив его для своих, связанных с коммерцией, целей. Владимир Гиляровский отмечал, что новый владелец на несколько лет «зашил весь дом тесом». Строительство осуществлял инженер-архитектор Гавриил Барановский. 5 февраля (23 января) 1901 года состоялось торжественное открытие московского магазина Елисеева. Главным входом в него стал арочный въезд, через который когда-то следовали кареты. Комнаты первого и второго этажей превратились в огромный торговый зал, поражающий великолепием — пышной декоративной отделкой, роскошными люстрами и, конечно же, изобилием продуктов и вин. Да и

НА СЕМИ ХОЛМАХ

сегодня этот интерьер производит сильное впечатление, а москвичи по-прежнему именуют магазин «Елисеевским». Часть пространства третьего этажа была отведена под шикарные гостиничные «квартиры». Их в 1901-м снимали члены литературно-художественного кружка, клуба московской интеллигенции. Среди них — именитые писатели, актеры и музыканты той поры. Этому периоду посвящен новый зал музея — «Театр эпохи эклектики и модерна».

С 1918-го в особняке поселились советские ответственные работники. В 1930-е в одной из квартир прожил свой последний год на земле автор романа «Как закалялась сталь».

Тяжело больной Николай Островский с 23 лет был прикован к постели. В 25 потерял зрение. Молодой, жизнелюбивый человек, он стремился быть полезным обществу, искал любые возможности для самореализации и наконец нашел смысл существования в литературном творчестве. Физическая беспомощность и чудовищные трудности не помешали ему проявить незаурядный талант. Редкое мужество и поразительная сила воли помогли создать произведение, ставшее чрезвычайно популярным среди молодежи, прославиться в СССР и многих других странах.

Музей-квартира Н. Островского

А. Яр-Кравченко. Портрет Н. Островского. 1935

На Тверской Николай Алексеевич работал над первым томом романа «Рожденные бурей», завершённым перед самой кончиной (умер 22 декабря 1936 года).

В октябре 1940-го в квартире писателя был открыт мемориальный музей. Его интерьер переносит современного зрителя в атмосферу 1930-х, рассказывает об увлечениях, главных интересах молодежи тех лет. Со временем музей расширили, заняв им два этажа. Судьба и творчество Островского вот уже много десятилетий служат примером для людей, чьи возможности сильно ограничила болезнь.

С 1992 года часть музея посвящена тем, кто, подобно писателю, преодолел недуги и нашел свое место в строю. Слова советского классика «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной» стали путеводной звездой для героев экспозиции «Преодоление». В августе 2015-го приказом руководителя департамента культуры Москвы на музей-центр были возложены функции социокультурной реабилитации инвалидов. Здесь изучаются и апробируются средства реабилитации, организуются выставки, концерты, презентации произведений, сочиненных людьми с ограниченными возможностями. Для них в центре созданы особые условия, основная экспозиция и выставки доступны всем категориям инвалидов.

Об этой важнейшей миссии музея, о текущей работе и планах на будущее рассказала его директор Ольга Девичева:

— Наш музей уникален. Из мемориального он превратился в многофункциональный центр. Здесь — сво-

его рода перекресток судеб огромного количества людей, вошедших в историю государства, тех, для кого нравственные и духовные интересы были важнее всех прочих. Как говорили древние греки, в некоторых домах живет *genius loci* — гений места, помогающий человеку проявить свои лучшие качества. У нас такой дух обитает, объединяя любителей искусства.

Работаем по трем темам. Основная — Николай Островский и его книга, ценимая многими поколениями, причем далеко не только в России. Например, в Китае позапрошлый год прошел под лозунгом: «Павка Корчагин навсегда». Там роман «Как закалялась сталь» до сих пор очень популярен. Во время Олимпиады в Сочи, Си Дзиньпин сказал: в его стране знают этот город благодаря тому, что Островский в нем жил и написал свое великое произведение. Молодежи необходим духовный стержень, а эта книга — учебник мужества, преданности идее, Родине. Политики там, по сути, нет. В годы Великой Отечественной войны роман Островского был самым читаемым у бойцов. Белорусский фронт в свое время подарил нашему музею агитмашину с киноустановкой, прошедшую весь боевой путь и транслировавшую преимущественно фильм Марка Донского «Как закалялась сталь» (1942). В дни празднования 70-летия Победы мы воссоздали эту машину в Екатерининском парке.

Осуществляем также совместный проект двух столичных департаментов — культуры и образования — «Урок в музее». Учащиеся девятого класса проходят у нас занятие по истории «Общественно-политическая и духовная жизнь в СССР в 1920–1930-е годы». Особенно ценно то, что проводится оно в мемориальной обстановке, в окружении подлинных вещей минувших эпох. Участвуем во многих начинаниях департамента культуры Москвы, например, таких, как «День куль-

турного наследия», «Ночь в музее». В рамках Московского культурного форума, посвященного Году российского кино, состоялась встреча с актером Василием Лановым, сыгравшим Павку Корчагина в фильме Александра Алова и Владимира Наумова (1956).

Музей из мемориального превратился в многофункциональный центр. Здесь перекресток судеб огромного количества людей, вошедших в историю государства

Новая концепция музея рассказывает о людях, связанных с этим домом, — начиная от Зинаиды Волконской. На заре XX века тут бывал Максим Горький, читал актерам МХТ свою пьесу «На дне», появлялись знаменитые певцы Федор Шаляпин, Леонид Собинов. Говорим и о Григории Елисееве, бесспорно, выдающемся в своем деле человеке. Сравнительно недавно добавилась еще одна тема: в соседнем здании находился негосударственный музей-квартира издателя и просветителя Ивана Сытина.

Сейчас он закрыт, но надеемся на его присоединение к нам. Большая коллекция мемориальных вещей, художественных произведений и уникальных изданий Сытина уже передана в наши фонды.

До конца лета открыта экспозиция «Летучий пленник, запертый в стекле...»: прекрасные цветы на английском фарфоре XIX и XX столетий. Проект посвящен цветочной выставке в Челси, которая проводится Королевским обществом садоводов ежегодно с 1913-го. А с конца прошлого века тоже каждый год выпускается посвященная этой выставке памятная тарелка. Особенно интересна та, что связана с сюжетом комедии «Сон в летнюю ночь»: на ней изображена виола (народное название — «анютины глазки»), чей аромат вызывал самые разные видения у героев Шекспира...

Организуем интересные экскурсии по Тверской. Периодически издаем музейный сборник. Вручаем специальную международную премию Николая Островского. А еще у нас есть замечательный проект «Равный среди равных». Он, как мне кажется, наглядно показывает: люди с ограниченными возможностями могут жить насыщенной, весьма полезной для общества жизнью, являясь к тому же лучшим примером для окружающих.

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ТРЯСКОВ/ФОТОМЭДИА/ТАСС

Котлета — мечта поэта

Максим Сырников

Однажды русский царь-государь Александр I ехал по каким-то своим делам из Санкт-Петербурга в Москву. И оказался в древнем, очень милом городе Торжке, в гостинице тамошней чрезвычайно оборотистой и при этом весьма радушной хозяйки Дарьи Пожарской.

Дальнейшее хорошо известно всем любителям русской изысканной кухни: Дарья Евдокимовна потчевала императора вкуснейшими котлетами, приготовленными особым способом.

А уж потом и великий Пушкин отметит в письме Сергею Соболевскому: «У Пожарского в Торжке жареных котлет отведай и отправься налегке». Более того, все путеводители и дорожные справочники XIX века непременно выделяют пожарские котлеты как едва ли не главную достопримечательность на пути между двумя столицами.

В этом году, кстати сказать, в Торжке во второй раз прошел гастрономический фестиваль. И главным угощением там были, разумеется, пожарские котлеты. Сочные, ароматные, с пылу с жару.

А вот рецепт знаменитого блюда. Ничего сложного.

Котлета «Пожарская»

На одну килограммовую курицу — 200 граммов 33-процентных сливок, стакан панировочных сухарей (в идеале — нарезанных тонкими брусочками), соль, щепотка мускатного ореха, 50 г сливочного топленого масла для обжарки.

С курицы снять все мясо, без жира и кожи. Прокрутить через самую мелкую решетку в мясорубке или пробить в блендере. Добавить сильно охлажденные сливки, соль, мускатный орех. Мокрыми руками сформировать котлеты (5–6 штук). Запанировать и обжарить на сковороде. Затем отправить в духовку, разогретую до 160 градусов, и довести до готовности (примерно 20 минут). Подавать с ломтиком лимона, соленым огурцом, веточкой петрушки.

Свое

ИЮЛЬ–АВГУСТ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки